

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

ЧУЖОЕ МЕСТО

Героическая фантастика

Андрей Величко

Чужое место

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Величко А. Ф.

Чужое место / А. Ф. Величко — «Махров»,
2017 — (Героическая фантастика)

Инженер из XXI века Сан Саныч Смолянинов, ставший цесаревичем Александром, вовсе не стремился занять должность императора. Трон должен был занять старший брат Николай. Но после почти одновременной смерти отца – Александра III – и брата пришлось брать на себя ответственность за Россию. И оказалось, что он не зря чурался власти – для начала потребовалось навсегда расстаться с любимой женщиной и жениться на нелюбимой. А потом довольно большое количество людей из самых разных слоев общества страстно возжелало увидеть императора в богато украшенном гробу. И что ему делать? Ведь нет ни планов, ни достаточного количества верных людей, ни... да ничего, в сущности, нет! Есть только, как случалось и в прошлой жизни, упование на поговорку «глаза боятся, а руки делают»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Величко А. Ф., 2017
© Махров, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Величко

Чужое место

© Величко А. Ф., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Пролог

Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский, он же германский император Вильгельм Второй, задумчиво смотрел в окно на медленно проплывающие за ним осенние пригороды Берлина. До конца поездки оставалось немного, и поезд ощутимо замедлил ход.

Ну что за незадача у этих русских, который раз мысленно сокрушался Вильгельм. Только успел вернуться домой с похорон Александра Третьего, и почти сразу пришлось ехать обратно – хоронить Николая Второго. Жалко Ники, хороший был мальчик. В смысле политических взглядов его брат ничуть не хуже, а в чем-то даже и лучше, вот только... как там говорят русские... а, вспомнил: ему палец в рот не клади. Да уж, лучше не стоит. Хорошо хоть он отлично понимает всю сложность своего положения и готов принять необходимые меры. А то ведь дело может кончиться совсем плохо.

Сейчас намечающийся союз Германии и России для Англии, пожалуй, не менее опасен, нежели едва не состоявшийся союз Франции и России в самом начале текущего века. Сорвать его удалось, только организовав убийство Павла Первого. Сами островитяне пачкаться не любят, предпочитают задействовать чужие руки. Тогда нашли недовольных Павлом, благо их даже особо искать не пришлось: на императора были обижены многие. Александр тоже не пользуется сколько-нибудь заметной любовью в высшем свете, но хорошо хоть, что по характеру это совсем не бедный Павел. Об такого можно невзначай и зубы обломать. Но все же опасность велика. Хорошо бы ему, Вильгельму, не пришлось примерять к себе возглас Наполеона, когда до него дошла весть об убийстве русского императора: «Англичане промахнулись по мне в Париже, но попали в Петербурге!»

Однако, дабы зря не дразнить гусей в столь сложной обстановке, они с Александром решили, что примерно на полгода движение в сторону сближения России и Германии лучше приостановить, ограничившись только совсем уж назревшими вопросами типа таможенных пошлин. Более того, было решено делать вид, что и личные отношения между императорами далеки от идиллических. Так, Вильгельм на свадьбу своей младшей сестры не поедет. Якобы потому, что не понимает такой странной поспешности Александра, да и вообще не одобряет женитьбу молодого императора именно на невесте своего только что скончавшегося брата. Ха, да чего ж тут, если вздуматься, не одобрять! Александр сразу нашел едва ли не идеальный выход из положения и для себя, и для него, Вильгельма. И даже для Маргариты, которой он, кажется, нравился не меньше брата еще до свадьбы. Просто Марго понимала свою ответственность перед рейхом и не давала воли чувствам. Кроме того, она слегка побаивалась Александра, но сейчас у девочки хватило ума согласиться на предложение мгновенно, не разводя обычных женских соплей. Хотя Людмила, присутствовавшая при этой сцене, сообщила, что Риточка упала его величеству на грудь и разрыдалась. Ладно на грудь – это ее личное дело, лишь бы побыстрее упала на то, что пониже. Александру срочно нужен наследник.

Против воли мысли Вильгельма свернули от высокой политики к несравненной Людмиле. Какая женщина, вот уж у кого есть за что подержаться! И в умениях ей не откажешь, а главное, она не пытается казаться умнее, чем ей положено от природы. Жаль, что она осталась в России, но ничего, он же туда наверняка приедет, и не раз. Да и Людмиле ничто не мешает иногда посещать Берлин, повод найти нетрудно.

Глава 1

Даже еще толком не проснувшись, я вспомнил, что сегодня какой-то особенный день, но вот в чем именно эта особенность, сразу сообразить не удалось. Для этого требовалось проснуться окончательно, а мне не хотелось. Все-таки я вчера и лег довольно поздно, и уснул далеко не сразу, потому как перед сном пришлось основательно поработать. Мне нужен наследник, вот я и прикладывал максимум усилий для его скорейшего появления. Рита тоже умялась – обычно она вставала рано, а сейчас вон уже девятый час. И ничего, сопит потихоньку в две дырочки. Ладно, хватит дрыхнуть, дел полно.

Я попытался встать, не разбудив бывшую маргышку, но это мне не удалось.

– Что, уже утро? – сонно спросила она. Потом глянула на большие часы, рядом с которыми у нас всю ночь горели две маленькие лампочки дежурного освещения. Две – это для надежности, лампы в этом времени были так себе и часто перегорали. Рита, как выяснилось, побаивалась спать в полной темноте, а жечь всю ночь какую-нибудь лампадку я не хотел: продукты ее горения здоровья точно нам не добавят. Да и мне свет не помешает из соображений безопасности, а то в полной темноте еще и пистолет не сразу найдешь в случае чего. Я, конечно, понимал, что это уже отдает паранойей, но на моем месте параноиком мог стать любой.

Рита тем временем откинула одеяло и совсем было собралась встать, но тут вдруг обнаружила, что она голая, ойкнула и подтянула край одеяла к подбородку. Да уж, это не Людочка и не Юля.

Поначалу Маргарита вообще считала, что сексом следует заниматься в ночных рубашках, причем сама надевала изделие, с моей точки зрения, более похожее на комплект химзащиты, нежели на деталь ночного туалета. Хорошо хоть, что от этого ее удалось отучить довольно быстро, и теперь супружеские обязанности мы исполняли в обнаженном виде, а потом Рита просила меня отвернуться и напяливала свою хламиду. Однако этой ночью она настолько утомилась, что уснула, не успев совершить обязательный ритуал.

– Алик, отвернись!

– А может, не надо? – предположил я. – Давай еще немного поработаем, а потом одевайся на здоровье и можешь не спешить.

Рита хихикнула. Она уже поняла, зачем неподалеку от кровати висит большое зеркало, но против не была. Главное, приличия соблюдены! Муж отвернулся, а про то, что так ему все видно даже лучше, в правилах ничего не сказано, и значит, можно одеваться неторопливо, в процессе чего принимать весьма интригующие позы.

В общем, утро немного затянулось, и вспомнить, чем таким особенным сегодняшней день отличается от всех прочих, удалось только за завтраком.

Отличие было довольно существенным – сегодня мне исполнялось девяносто лет. Мне – это имеется в виду не только Алику Романову, но и Сан Санычу Смолянинову вместе с ним. Шестьдесят восемь с половиной лет там, двадцать один с половиной года здесь – в сумме как раз получается круглая цифра. Правда, не такая, как будет через десять лет, но до той еще дожить надо, и не факт, что получится, а до этой вроде уже получилось.

Надо сказать, что все лично знакомые мне императоры тратили на управление государством значительно больше времени, чем я. Мой распорядок скорее напоминал тот, что был у Николая Второго в той истории, про которую я только читал. То есть с десяти утра и до двух – это максимум, но столь загруженные дни случались не так уж часто.

Вот только свободное время я проводил не так, как Николай в том варианте своей жизни. Я не торчал все время около жениной юбки, почти не принимал родственников и уж тем более не шастал к ним в гости, не бегал по парку с фотоаппаратом, не охотился на оленей и не стрелял

ворон. Потому как тратить очень дорогое время на всякую ерунду я не любил еще в прошлой жизни. И уж тем более не собирался начинать в этой.

Доклады министров теперь принимались в письменном виде, за исключением четверых: Вышнеградского, Витте, военного министра Ванновского и председателя комитета министров Бунге. Все остальные представляли свои отчеты в виде красиво оформленного документа. Я брал бумаги, благодарил очередного министра за усердие, а сразу после его ухода ко мне заходил кто-нибудь из секретариата и забирал доклад.

На следующий день его мне приносил Бунге. Первым делом я смотрел в правый нижний угол последнего листа, где оставлял краткую резолюцию глава моего секретариата Столыпин. Обычно там красовалось нечто вроде «С/Б 90», что означало «словоблудие на девяносто процентов». После чего поднимал взгляд, и Николай Христианович в нескольких предложениях пересказывал мне то, что, по его и Столыпина мнению, словоблудием не являлось.

То, что в результате текущее управление империей на самом деле осуществляли эти двое, меня волновало не очень. Во-первых, скоро управляющих станет существенно больше, это пока, в переходный период, их так мало. Во-вторых, я был убежден, что император вообще текушкой заниматься не должен. И не только потому, что это не царское дело. Главная причина – дела нужно поручать специалистам, работающим по заранее утвержденному алгоритму. А самодержец должен вмешиваться только тогда, когда задача, подлежащая решению, за рамки этого самого алгоритма выходит. Ну или в тех случаях, про которые Николай Первый как-то сказал: «Кроме закона должна быть еще и справедливость».

Так вот, после обеда я был более или менее свободен и мог заниматься тем, что считал наиболее важным. Здесь немалое место занимали вопросы личной безопасности.

Все оперативные работники канцелярии, или, точнее, «канцелярии», в поте лица наблюдали за революционерами. Причем как это у меня хватило ума не пытаться привлечь на свою сторону Владимира Ульянова! А ведь была такая мысль. И что бы я теперь делал, если только на пригляд за одним Морозовым, то есть теперь уже Кориним, были постоянно задействованы четыре человека? Да еще двоих-троих приходилось привлекать от случая к случаю. А вы что думали – человека, вполне заслуженно получившего пожизненный срок, после помилования можно оставить без плотного присмотра, несмотря на то, что его воззрения изменились? Это, дорогие мои, будет идеализм. Или, если по-простому, то дурость. Так вот, еще и Ульянова моя служба просто не потянула бы. Ей и без него хватало дел с теми, кто сейчас был действительно опасен. Причем это были не только революционеры, но и жандармы.

Насколько я себе представлял текущую обстановку, никто из великих князей, желающих лицезреть на троне вовсе не меня, а совсем даже Георгия, не обладал достаточной решительностью, чтобы самому возглавить заговор. Это были, мягко говоря, далеко не декабристы и даже не братья Орловы. Но вот с одобрением отнестись к тому, что всю работу за них сделает кто-то другой, они вполне могли. И почему бы тогда каким-нибудь карьеристам из жандармерии или даже гвардии не подсуетиться в расчете на будущие милости? Тем более что и англичанам я не больно-то приглянулся, да и французам тоже, а это означает, что у заговорщиков, коли уж они появятся, финансовых затруднений точно не будет.

Среди жандармов лично на меня пока работали только начальники московского и питерского охранных отделений. И если Бердяеву я верил, несмотря на то, что отношения между нами более походили на стандартные служебные, нежели на что-то более дружеское, то Секе-ринскому, с которым вроде как приятельствовал, – не очень. И не потому, что к этому меня склонили какие-либо подозрения или даже факты, а просто так. Вообще-то «просто так» – это на самом деле довольно весомый довод, но тут было еще одно соображение.

Даже ближайшие соратники – Рогачев, Рыбаков и Зубатов – и то после моего воцарения не сразу адаптировались. Петр Маркелович несколько дней подряд именовал меня исклю-

чительно императорским величием и только после третьего напоминания, причем уже довольно раздраженного (ну вы еще мой полный титул зачитайте, совсем весело станет!), вернулся к обычному обращению «Александр». Михаил с Сергеем тоже начали было называть меня на «вы» и вернулись к обычному обращению лишь по моей просьбе, да и то не сразу. Секеринский же делал вид, что ничего особенного не произошло. Подумаешь, был великим князем, стал цесаревичем, теперь вон вообще император – что тут такого? В его обращении со мной по-прежнему чувствовался оттенок снисходительности. Оно бы и хрен с ним – я в этом отношении человек не гордый, но такое поведение в теперешнем времени было несколько нехарактерным. Поэтому обязанности я распределил примерно так.

Секеринский присматривал за питерскими революционерами, а Рыбаков по мере возможностей – за ним. Михаил старался быть в курсе того, что происходило в высшем свете столицы – в основном через своих знакомых балерин и певиц, коих у него оказалось неожиданно много. Бердяев занимался московскими террористами, Зубатов ему помогал и, кроме того, по моему специальному указанию пытался разузнать, что связывает брата Жоржи с московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем.

Дело было в том, что братец как-то подозрительно зачастил в Москву. Ладно когда он остался там с раненой матерью – это было более или менее понятно. Но она давно вернулась в Питер и сейчас живет в своем Аничковом дворце. Теоретически и Георгий проживает там же, но больше половины своего времени он проводит в Первопрестольной. Чего ему там вдруг понадобилось? Меня, честно говоря, удивляло, почему Зубатов этого до сих пор не выяснил, и на всякий случай я поручил Рыбакову попытаться узнать, в чем дело.

– Нет нужды, Александр, – спокойно заявил мне канцелярист. – Я это и так знаю.

– Да? Очень интересно. Может, со мной поделитесь?

– Слушаюсь. Сергей не смог найти причин взаимного интереса вашего брата и московского генерал-губернатора просто потому, что этого интереса нет. Георгий ездит в Москву не к Сергею Александровичу, а к живущей там женщине. Насколько я знаю, он уже почти дозрел до того, чтобы просить вашего разрешения на брак с ней, но пока побаивается. Он знает, что вы всегда носите с собой заряженный пистолет.

Я пожал плечами – что за ересь? Если паче чаяния он соберется жениться на какой-нибудь неравнородной особе, а других в Москве сейчас нет, то чего в него тогда стрелять-то? Да его за это обнимать и целовать надо, ибо он теряет права на престол!

Но тут меня охватило ужасное предчувствие.

– Его женщина – это...

– Да, Александр. Марина.

У меня потемнело в глазах.

– Это ты все подстроил, старый интриган! – рявкнул я, потеряв самообладание.

Канцелярист молчал, а я, с немалым трудом взяв себя в руки, пробормотал:

– Извините, Петр Маркелович. Такая новость, что не получилось сдержаться. Я не хотел вас оскорбить, но узнать подробности все же хочу.

– Разве вы меня оскорбляли? По-моему, «старый интриган» в ваших устах – это комплимент. Хуже было бы, считай вы меня молодым недотепой. Подробности же состоят в том, что идея действительно была моя, но к исполнению в равной мере приложили руки все трое.

– Но почему обязательно Марина?!

– Потому что у любой другой не было бы шансов. Вы же знаете, как Георгий всю сознательную жизнь вам завидовал и мечтал хоть в чем-то превзойти! Сами мне рассказывали, а я потом проверил через прислугу. И против искушения отбить у вас любимую женщину он устоять не смог, а потом против ее обаяния – тоже. Ну а я взял на себя смелость от вашего имени пообещать Марине, что после того, как у вас родится второй наследник, вы признаете этот морганатический брак великокняжеским, восстановите Георгия как члена императорской

фамилии и позвольте супругам вернуться в Россию. Более того, вы не прекратите выплачивать ему положенное содержание. Второй наследник – это для гарантии, мало ли что с первым случиться может.

Минут пять я молчал, стараясь переварить услышанное. С одной стороны, ребята молодцы – одним геморроем, похоже, станет меньше. С другой же...

– Петр Маркелович, а почему я обо всем этом узнал только теперь?

– Извините, Александр, но вы даже сейчас восприняли мое сообщение весьма эмоционально. Три месяца назад, когда все только начиналось, а ваша боль от недавней утраты была сильнее, от вас могли поступить указания, кои привели бы к неудаче.

– Ага, и вы, значит, на всякий случай решили не ставить в известность столь неуравновешенную личность, как император.

– Не мы, ваше величество, а я. Это была моя инициатива, а Сергей с Михаилом только согласились с ней, да и то их пришлось долго убеждать. Готов понести наказание.

– Зря готовы, его не будет. Это была моя ошибка, что не предвидел подобной ситуации, и сейчас я ее исправлю. Значит, отныне всем вам строжайше воспрещаются любые умолчания! Даже из самых лучших побуждений. Даже если вы будете уверены, что знание меня погубит, а незнание спасет, все равно. Сначала доклад, а после его утверждения – действие. Если ситуация требует немедленного реагирования, то можно сначала действовать, а потом докладывать, но без задержки и с обязательным обоснованием именно такого варианта. Вам все понятно?

– Да, ваше императорское величество.

– Очень хорошо. И доведите мой приказ до Михаила с Сергеем. В письменном виде, под роспись, копий не снимать, единственный экземпляр в особый архив. Но, разумеется, лично с каждым я тоже побеседую. Далее. Все ваши обещания Марине я подтверждаю. Для негласного разрешения на морганатический брак встреча ни с кем из них не нужна, хватит письма, подписанного обоими. И, наконец, ответьте мне еще на один вопрос. Как получилось, что вы, прожженная канцелярская крыса – это тоже комплимент, – оказались столь сведущи в тончайших, так сказать, движениях души? Почему этого не смогли сделать Сергей с Михаилом, они же моложе, и им, наверное, ближе подобные вопросы?

– Да потому, Александр, что они действительно моложе. И не любили, извините за высокий стиль.

– А вы, значит, сподобились...

– Совершенно верно. Но мне в отличие от вас тогда не хватило ума и силы воли сразу согласиться с неизбежностью разрыва. Я трепыхался, делал ошибки и в конце концов и женщину потерял, и карьеру загубил. А иначе почему я, по-вашему, после двадцати лет службы оставался коллежским регистратором?

– Действительно, но я в детстве просто не разбирался в вопросах чиновничества, а потом не обращал внимания по привычке. В общем, ваши действия я одобряю. Можете прямо сейчас начинать думать, какой классный чин вам больше нравится и какой орден к нему более всего подойдет. Кроме, разумеется, высших в империи.

Когда канцелярист ушел, я задумался. Да, если кто здесь и виноват, то исключительно бывший цесаревич, а ныне император Алик Романов, он же Александр Четвертый. И дело даже не в том, что я заранее не отдал приказ о недопустимости подобного. На то указы и существуют, чтобы их нарушать. Но вот сейчас мне, например, захотелось выяснить, что за романтическая история приключилась в молодости с Петром Маркеловичем. Что, все случилось прямо как в песне – «он был титулярный советник, она генеральская дочь»? Не помешало бы узнать. И не от него, так как он беспристрастным тут быть не может. Так к кому обратиться?

Короче говоря, нужно еще одно подразделение, с моей канцелярией никак не связанное. Но способное быстро представить ответы на вопросы, касающиеся персон из той самой канцелярии. Причем желательно, чтобы ответы появлялись еще до того, как я успею задать вопросы.

Глава 2

После сообщения Петра Маркеловича я слегка воспрянул духом и перестал видеть все в черном цвете настолько, что смог внимательно, а не как до этого, выслушать очередной доклад военного министра Ванновского. Тем более что он был посвящен довольно интересной теме – итогам конкурса на магазинную винтовку для русской армии. Ее еще называли малокалиберной, потому как три линии действительно меньше, чем четыре, как у берданки.

Я, честно говоря, в этот вопрос до сих пор почти не вмешивался. Во-первых, потому, что не чувствовал себя таким уж крупным специалистом в оружейном деле. В конце концов, мосинка не так уж плохо служила русской армии более полувека. Во всяком случае, проигрыш Русско-японской войны произошел вовсе не из-за каких-то недостатков этого оружия. Кроме того, конкурс происходил тогда, когда я и без него был сильно занят, так что мне удалось только слегка помочь Мосину в его личных делах, и более ничего.

Рогачев по моему заданию узнал, что муж любимой женщины Сергея Ивановича зовется Николаем Арсеньевым, он потребовал за развод пятьдесят тысяч рублей и в данный момент находится в Санкт-Петербурге. После такой информации вопрос, заслуживает ли он уважения, отпал сам собой. В принципе, конечно, можно было бы ему заплатить, как это сделал сам Мосин в иной истории, но меня одолела жадность. Она прямо-таки вопила, что нельзя поощрять торговлю женами по таким диким ценам и вообще это аморально.

Я выбрал момент, когда начальник отцовской охраны генерал Черевин только-только похмелился и пребывал в полной гармонии с мирозданием, и рассказал ему эту романтическую историю, совсем чуть-чуть ее приукрасив.

– Не могли бы вы помочь мне как-то уговорить этого мерзавца согласиться хотя бы на десять тысяч? – с невинным видом спросил я. – У меня просто больше нет денег (я, разумеется, врал), а Мосин – талантливейший оружейник, и он мне нужен в наилучшем душевном состоянии.

– Что? – возмутился бравый генерал, известный, кроме каждодневного пьянства, своим рыцарственным отношением к женскому полу. – Деньги этому негодяю, позорящему высокое звание русского дворянина?! Ну надо же, собственной женой торгует, скотина. Ничего, ваше высочество, я сегодня же с ним побеседую. Все равно его величество никуда не собирается, срочных дел быть не может, поэтому прямо сейчас выезжаю.

Ну, предположим, отъехал он не прямо сейчас, а часа через два, успев за это время собрать себе в компанию четырех казаков из отдыхающей смены лейб-конвоя и принять не то сто пятьдесят, не то двести грамм для дальнейшего поднятия жизненного тонуса. Но на результате его визита задержка никак не сказалась. Не знаю уж, какими именно словами или жестами Петр Александрович убеждал скотину Арсеньева, но пассия Сергея Ивановича уже через неделю совершенно бесплатно получила согласие мужа на развод.

С патроном получилось примерно так же, как и с винтовкой. Роговцев был согласен, что для магазинной винтовки рант как минимум бесполезен, и принял на веру, что для автоматической он станет откровенно вредным, но единственный аргумент за рант перевешивал все, что были против него.

– Цена, – объяснил мне полковник. – Вы не обратили внимания, насколько дорогими получаются патроны для вашего пистолета?

– Обратил, но решил, что это из-за их нестандартности.

– Она тоже внесла свою лепту, однако главное – форма. По моим подсчетам, безрантовый патрон для винтовки будет обходиться в три с половиной, а то и четыре раза дороже, чем обычный. Кроме того, в России очень мало оборудования, на котором можно делать такие патроны.

Выслушав полковника, я вздохнул и отложил вопрос с более прогрессивным патроном на будущее.

Конкурс проходил без всякого моего участия – сначала катастрофа царского поезда, а потом смерть Николая не дали мне отвлекаться еще и на него. И вот теперь я слушал доклад о результатах.

По словам Ванновского выходило, что финалистки, то есть винтовки Нагана и Мосина, практически равноценны, причем нагановская даже немного лучше, но комиссию подкупила более низкая цена «мосинки», хотя он, Ванновский, был против. Теперь требуется высочайшее утверждение.

– Разумеется, оно будет. О чем тут думать? Мосинские винтовки, сделанные руками учеников на старом оборудовании в Ораниенбауме, как минимум на равных конкурировали с изготовленными на одном из лучших европейских заводов! Для российских условий это решающее преимущество. С этим разобрались, теперь давайте перейдем к названию и вознаграждению авторам. Что за «комиссионная винтовка»? Почему не мосинская?

– Потому что в конечном варианте присутствуют еще и детали, разработанные полковником Роговцевым и Леоном Наганом.

– Роговцев не против того, чтобы винтовка называлась «мосинской». А что придумал Наган – способ крепления пружины в магазине и чуть более удобную обойму? При том что и мосинская вполне приемлема. И за это ему двести тысяч, а Сергею Ивановичу – всего тридцать? Извольте обосновать ваше предложение.

– Все детали винтовки Нагана защищены патентами, а Мосина – нет. Кроме того, он в процессе работы получал жалованье.

– И что, успел наполучать на сто семьдесят тысяч разницы? И почему нет наших патентов?

– Капитан Мосин отказался их брать, ваше императорское величество.

– Правильно, он же работал по государственному заказу. Не его это дело. Вот я и спрашиваю, почему государство в вашем лице прошляпило этот вопрос? Ведь Наган тоже кое-что у Мосина позаимствовал, но платить не собирается. Короче говоря, мои решения таковы. Первое. Изделие будет называться «винтовка Мосина образца девяносто первого года». Сокращенно – «ВМ-91». Второе. Сергею Ивановичу – двести тысяч, Нагану – пятьдесят, и ни копейкой больше. Если считаете, что мало, доплачивайте из своих средств. Или наймите приличных юристов, которые найдут пути обхода его патентов. В этом, кстати, я вам могу помочь.

– Но ведь так мы испортим отношения с одним из лучших мировых оружейников!

– Значит, надо прилагать больше усилий, чтобы отечественные оружейники побыстрее вошли в число лучших. Наверное, придется мне, раз у вас это не получается.

Ну да, тоже мне, нашел министр лучшего. Он своего Нагана случайно с Браунингом или братьями Маузерами не перепутал? А ведь не зря Петр Семенович так за бельгийца болеет, ох не зря. То есть скорее всего не даром. Небось уже предвкушал немалый откат, а тут вдруг на тебе – такой облом! Похоже, пора начинать прикидывать, кого назначить военным министром вместо него. А то, что Наган может обидеться, так это пусть себе на здоровье. В крайнем случае в русской армии со временем появится револьвер или даже пистолет имени кого-нибудь другого, а пока она и «смит-вессоном» обойдется. Не припоминаю я, чтобы степень совершенства армейского короткоствольного оружия оказала какое-то влияние на ход хоть одной войны. Японцы со своим далеко не идеальным пистолетом «Намбу» в начале Второй мировой очень бодро накостыляли англичанам и американцам, а немцев чуть позже великолепный «вальтер П38» не спас от поражения в сорок пятом.

Вообще, конечно, военного министра пора было менять, но без спешки – требовалось учесть три соображения. Первое – иметь в виду «эффект качелей». Название я придумал сам, а суть этого эффекта состояла вот в чем. Во всей более или менее известной мне русской истории если один правитель, так сказать, предоставлял какую-то свободу, то в явно избыточных количествах. Поначалу это действительно давало некоторые плюсы, но потом начинался мажорный бардак. Естественно, следующий правитель пытался навести порядок – но всегда заходил в своих благих начинаниях слишком далеко.

Екатерина Вторая совершенно распустила дворянство, из-за чего Павел решил все отыграть назад. Больно резко взялся, прибили.

Александр Первый правил, как он сам сказал, «по законам и сердцу Екатерины Великой», и бардак в конце его царствования был просто выдающимся, а завершилось оно восстанием декабристов. Это очень не понравилось наследнику, и Николай Первый принялся закручивать гайки, в чем явно перестарался.

Александр Второй решил начать демократизацию общества, и чем оно все кончилось, я видел сам. Хорошо хоть его почти вовремя грохнули – «перестройка» не успела привести к катастрофе, как несколько позже в Советском Союзе. Отец вознамерился навести порядок, и в некоторых областях это ему удалось, однако из-за избыточности усилий быстро проявились негативные последствия. За время его сравнительно недолгого правления количество научных звезд первой величины, сбежавших за границу, было максимальным. И это мы с братом еще успели привести в приемлемый вид «указ о кухаркиных детях», а то ведь было бы еще хуже.

То есть политика всегда с большим размахом качалась от устройства разнузданного бардака к наведению чуть ли не лагерного порядка, всякий раз со свистом проскакивая положение равновесия, наиболее предпочтительное для развития государства.

Ну то есть прямо как качели.

Нечто похожее, только в меньших масштабах, имело место и в военном ведомстве. Предыдущий министр, Милютин, сделал много полезного, но основательно развалил дисциплину среди офицерского состава. Нынешний, Ванновский, навел и неустанно поддерживал порядок с жесткой регламентацией всего подряд, который многие, чье мнение я считал возможным учитывать, называли кладбищенским.

Второе условие из тех, что требовалось соблюсти, состояло вот в чем. Новый министр должен быть моим человеком! А то ведь в свое время Лаврентий Павлович Берия недооценил возможностей армии во внутренней политике, понадеявшись исключительно на органы, за что и поплатился жизнью. Нет уж, я таких ошибок повторять не хочу.

И, наконец, условие номер три – кандидат должен по опыту, свойствам характера и по умственному развитию соответствовать высокому посту. Например, Драгомиров – опыт есть, да еще какой, с мозгами все более чем в порядке, но больно уж увлекающийся человек. Из совершенно справедливой посылки о важности воспитания высокого боевого духа войск он сделал вывод, что все остальное вообще дело десятое. И, главное, не жалел энергии на пробивание своей точки зрения! Попутно при всяком удобном случае заявляя о бесполезности пулеметов и командно-штабных игр. Вот его бы с Куропаткиным сложить в одну посуду и взболтать до равновесного состояния, а потом снова разделить – получилось бы сразу два прекрасных министра обороны. Но увы, требуемый миксер не был изобретен даже в двадцать первом веке, и уж тем более его нет сейчас. Присмотреться, что ли, к Редигеру? Правда, он пока всего лишь полковник, но мне ведь не завтра военного министра менять. Года два-три пусть еще поработает, а за это время нужный кандидат вполне сможет подрасти в чинах, особенно при высочайшей поддержке, а уж мне-то ее обеспечить нетрудно – должность позволяет.

Сразу после беседы с военным министром меня ждал подарок на своеобразный юбилей, известный только мне. В коридоре ошивалась Людмила, старательно делавшая вид, что она

здесь оказалась совершенно случайно. Моя бывшая ненаглядная теперь была при императрице не только личным парикмахером и визажистом, но и кем-то вроде постоянной няньки.

– Ох, ваше величество, – громким заговорщическим шепотом возопила мышка, – труды-то ваши неустанные наконец-то успехом увенчались! Риточка сама еще не понимает, но я думаю, что она уже ждет ребеночка.

Глава 3

Борис Григорьевич Луцкой смотрел на письмо, пытаясь сообразить: кто же это может писать ему из Берлина? Почему-то молодому человеку показалось важным понять это еще до прочтения послания. Но ничего хоть сколько-нибудь убедительного в голову не приходило, и Борис вскрыл конверт. Внутри оказался еще один, только с его именем и фамилией, написанными по-русски. Вскрыв и этот, Луцкой начал читать, но сразу же со словами «Что за дурацкий розыгрыш?» отложил бумагу. Ибо прочесть он успел вот что: «Здравствуйте, уважаемый Борис Григорьевич. Мы с вами никогда не встречались лично, но я недавно узнал о ваших работах в области двигателестроения, а вы тоже наверняка слышали обо мне хоть краем уха. Зовут меня Александр Александрович, фамилия Романов, и в настоящий момент я занимаю должность российского императора. У меня к вам следующее предложение...»

Дальше Борис поначалу читать не стал, но потом его разобрало любопытство. Чего хочет этот неведомый мистификатор?

Правда, приписка в самом конце письма заставила слегка усомниться в правильности первого впечатления. Она гласила: «Если вы захотите удостовериться в том, что данное письмо не есть глупый розыгрыш или даже попытка какого-то жульничества, то в любое удобное вам время зайдите в российское консульство, оно недалеко от вашего дома. Там просто назовите свое имя, фамилию и послушайте, что вам скажут».

Действительно, подумал Луцкой, идти от силы минут двадцать. Правда, сегодня воскресенье, но в письме четко сказано – в любое время. Так будет даже лучше: дальше привратника, или кто там у них будет на входе, сведения о том, как меня разыграли, не уйдут.

Однако после похода в консульство Борис уже не считал письмо мистификацией. О его приходе доложили наверх сразу, и уже минут через пять к нему спустился пожилой чиновник, представившийся дежурным делопроизводителем Коровиным. После чего извинился за отсутствие консула в связи с выходным днем и спросил, чем он может быть полезен уважаемому Борису Григорьевичу.

Вот тут Луцкой убедился, что письмо если и было розыгрышем, то уж во всяком случае не дурацким и далеко не дешевым. Ибо назвал он при входе только имя и фамилию, а про отчество ничего не сказал. Однако что теперь говорить-то? Хм, а почему бы и не сказать все как есть...

– Понимаете, мне пришло довольно странное письмо, и там в числе прочего сообщалось, что убедиться в его серьезности я смогу здесь.

– Совершенно верно. Я уполномочен заверить, что письмо действительно отправлено той самой высокой особой, чья подпись там стоит. Хотя и не знаю, чья именно, но распоряжение пришло к нам за личной подписью самого Николая Карловича Гирса. В нем требуется подтвердить подлинность полученного вами послания и при необходимости оказать любую входящую в нашу компетенцию помощь, включая финансовую. Правда, если вам потребуется более десяти тысяч марок, придется обратиться к послу в Берлине. Будьте уверены, он примет вас без всяких задержек.

– Спасибо, – пробормотал ошарашенный Луцкой, – мне сейчас ничего не надо... может быть...

– Если что потребуется, заходите, не чинясь, – напутствовал его на прощание Коровин. Еще бы, в письме из МИДа было черным по белому написано, что о работе консульства там составят впечатление по рассказу Луцкого.

Как он дошел до дома, Борис не помнил, да и весь остаток дня прошел в перечитывании письма. Если оно действительно написано рукой императора, в чем вроде уже не приходится сомневаться, то до чего же интересный человек сидит сейчас на российском троне!

Во-первых, с хорошим инженерным образованием. Во-вторых, что вовсе уж неожиданно, с неплохим чувством юмора! И он собирается построить большой и оснащенный по последнему слову техники завод по производству двигателей внутреннего сгорания, на который ему нужен главный инженер. Оклад – для начала три тысячи рублей в месяц. Ого, подумал Луцкой. Вдвое больше министерского и втрое – того, что он получает здесь. Из начальства только директор завода, кандидатура которого будет согласована с ним, и сам император. Неустойку Нюрнбергской машиностроительной компании, где Луцкой уже почти год работает главным инженером, выплатит император из своих средств. Кроме того, он просил передать руководству компании, что если оно не полезет в бутылку и не станет хлопать ушами (именно так император и написал), то при высочайшем содействии сможет получить весьма выгодные заказы в России.

Директор, выслушав Бориса и в тот же день получив подтверждение серьезности намерений русской стороны в консульстве, заявил, что неустойку компания требовать не будет. Александр, еще не будучи не только императором, но даже наследником престола, уже имел авторитет как разработчик двигателей внутреннего сгорания, а его научно-технический комитет давно доказал, что может быть выгодным и надежным партнером. В силу чего упускать столь удобный случай закрепить на русском рынке руководство совершенно не желало и сразу сообщило об этом в Петербург.

Луцкой из принципа поехал на родину за свой счет, хотя дорогу ему предлагали оплатить и русские, и немцы. Ну вот уж нет, подумал тогда Борис, я все же успешный инженер, а не какой-то нищий, не имеющий денег на билет первого класса в поезде Берлин – Санкт-Петербург.

В поезде Борис познакомился с морским офицером, капитаном цур зее Альфредом Тирпицем, тоже направляющимся в Россию. Поначалу моряк, узнав, что молодой инженер русский, попытался расспросить его о последних новостях из Санкт-Петербурга, но, узнав, что Луцкой последние шесть лет почти постоянно жил в Германии, свернул беседу. И все равно было понятно, что моряка интересует новый русский император, причем в основном почему-то не как государственный деятель, а как инженер.

– Жалко, что вы не можете хоть немного удовлетворить мое любопытство, – вздохнул моряк.

Почему же не могу? – мысленно усмехнулся Борис. Очень даже могу, но не стану. Зачем делиться непроверенными предположениями с первым встречным? Мало ли, вдруг они окажутся ложными? А если нет, то тем более.

Примерно в это время получил письмо из России заведующий отделением Пастеровского института Илья Ильич Мечников. Правда, по стилю и содержанию сильно отличающееся от послания, пришедшего Луцкому. Подписано оно было вице-председателем Императорского научно-технического комитета Евгением Сергеевичем Боткиным. Мечников хорошо знал и глубоко уважал его отца, а с самим Евгением встречался давно, когда тот был еще слишком молод, но нынешняя должность младшего Боткина наводила на размышления. И уж тем более вызывало интерес содержание письма.

В нем вице-председатель сообщал, что в России организуется медико-биологический институт и средств на его деятельность жалеть не будут. Затем следовало упоминание о том, что недавно у императора умер от туберкулеза любимый брат, в силу чего его величество твердо решил всемерно содействовать поискам средств борьбы с чахоткой.

Боткин, кстати, не был уверен в необходимости включения в письмо такого пассажи, но Александр настоял. В отличие от своего лейб-медика, он знал, что после смерти жены, причем именно от туберкулеза, Мечников решил посвятить остаток жизни борьбе с этой болезнью. Правда, получилось у него несколько иное, но то было в другой истории, а что будет в этой – еще бабушка надвое сказала.

Далее Боткин писал, что не видит никаких причин для конкуренции столь близких по целям научных организаций, как Пастеровский и Александровский институты, в силу чего приглашает Илью Ильича посетить Санкт-Петербург для знакомства с тем, что уже сделано, и согласования планов на будущее. Дорогу и проживание оплачивает российская сторона, и (если вдруг уважаемый Илья Ильич верит той чуши, что пишут о России парижские газеты) гарантии безопасности Мечникова подтверждает лично его императорское величество.

Похожее письмо получил и проживающий в Париже известный электротехник Лодыгин, только подписано оно было главой ученого совета того же комитета Менделеевым, а познакомиться Александру Николаевичу предлагалось с последними разработками в области электротехники, проведенными в рамках долгосрочной программы упомянутого комитета.

В отличие от первых двух адресатов, этот сразу пускаться в путь не стал, потратив почти три месяца на раздумья и осторожное наведение справок, но в конце концов любопытство все же пересилило осторожность.

Однако полученные из Гатчины известия не всех подвигли на путь в Россию. Некоторых наоборот.

Молодая семейная пара, всего второй день как снявшая квартиру в доходном доме на Якиманке, утром обнаружила на журнальном столике в гостиной ярко-желтый пакет размером примерно с большую книгу, перевязанный красной ленточкой с бантиком. Под перевязь был подсунут листок бумаги, на котором хорошо знакомым обоим молодоженам почерком было написано: «Великокняжеское содержание за текущий год поровну фунтами, франками и рублями. Ни отменять, ни уменьшать это пособие я не намерен. Александр».

– Ой, – сдавленно пискнула Марина. – Значит...

До Георгия тоже дошло, что появление пакета говорит не только о том, что Александру известен их адрес, но и о том, что для его людей запертая изнутри входная дверь ни малейшим препятствием не является.

Тут особым образом дзинькнул звонок на входе – так предупреждала о своем появлении консьержка.

Георгий посмотрел на жену, она кивнула. Действительно, чего уж теперь-то прятаться!

– К вам Сергей Васильевич Зубатов, – сообщила женщина с порога.

– Просите, – вздохнул Георгий и подумал, что Сергей, московский друг Михаила Рогачева, пришел на редкость вовремя. Благодаря случайной помощи Михаила они с Мариной познакомились, а Сергей помог тайным молодоженам устроиться в Москве. Может, он и сейчас поможет разобраться в ситуации?

– Плохо дело, ваше высочество, – сразу заявил Зубатов. – Вам, как мне кажется, угрожает нешуточная опасность. Великий князь Владимир Александрович, узнав про ваш тайный брак, срочно выехал в Москву и вечером будет здесь. Думаю, что ему и московскому генерал-губернатору удастся найти вас, пусть и не сразу. А это означает угрозу жизни.

– Но почему? – не понял Георгий. – Ведь я им нужен живым...

– Ваше высочество, вы наверняка отлично понимаете, зачем именно вы нужны этим людям. И знаете своего брата уж во всяком случае лучше, нежели я. Сейчас перед ним может встать выбор, кому остаться жить. Вам или ему? Неужели вы сомневаетесь, какое решение он примет? А действия ваших дядей предоставят прекрасную возможность сделать все чисто. Ведь именно их люди будут пытаться вас как-то задержать! А уж вмешаться в процесс или даже

подкупить кого-либо из исполнителей нетрудно. Для Александра получится двойная выгода – и вы оставите наш грешный мир, и оба великих князя окажутся в этом замешаны. Поэтому, как мне кажется, вам лучше срочно покинуть и Москву, и Россию. Новые документы для вас уже готовы. Вот они: на некоторое время вы стали господином и госпожой Семяцкими. Юрий Михайлович – так вас теперь зовут, – лучше выехать прямо сейчас, киевский экспресс отходит через три часа. К своим настоящим именам можно будет вернуться не раньше чем вы окажетесь во Франции. А можно и не возвращаться, это уже ваше дело.

– Спасибо, Сергей, – кивнула Марина, а потом задала заранее согласованный вопрос: – Извините, наверное, это бестактно, но я все же спрошу. Вы ведь революционер?

– Да, госпожа Семяцкая, я глубоко убежден, что России необходимы перемены, и как можно скорее.

– Благодарю за откровенность. Хотя мы с мужем и не сочувствуем вашим идеям, но добро помним. И в случае возникновения у вас каких-то трудностей обращайтесь к нам. Если это будет в наших силах и не войдет в противоречие с понятиями чести, мы обязательно поможем.

Глава 4

– Потрясающе! – с энтузиазмом воскликнула Рита. – Никогда не думала, что русский балет – это столь захватывающее зрелище. А прима – просто прелесть! Такое впечатление, что она прямо создана для этой роли.

С мнением жены я был полностью согласен, ибо убедился в том, что Юля – действительно прелесть, уже довольно давно, когда о нашей женитьбе с Ритой ни у кого даже мысли не возникало. И тогда же, не откладывая дела в долгий ящик, неофициально посетил Мариинский театр. Так как о моем визите заранее сообщил Михаил, то прямо там мне – наверное, совершенно случайно – встретился директор Санкт-Петербургских императорских театров князь Всеволожский.

– Иван Александрович, – заявил я ему, – благодарю вас за то, что успешно пестуете молодые таланты. В частности, танцы балерины Юлии Кшесинской приводят меня в восторг. – В какой постановке, ваше высочество? – попытался вывести меня на чистую воду директор.

– Во всех! – отмел его неуместные поползновения я, ни в одной из жизней ни разу не посещавший балет, правда во времена серийных похорон генсеков неоднократно видевший «Лебединое озеро» по телевизору. – Надеюсь, что и в дальнейшем Юлия будет украшать собой русскую сцену, причем на более серьезных ролях. Я, конечно, понимаю, что до настоящего ценителя искусств мне еще далеко, но надеюсь на вашу помощь в данном вопросе. Разумеется, и вы можете обращаться за помощью ко мне, если вдруг в ней возникнет надобность.

Князь тут же рассыпался в заверениях, что всегда считал точно так же и отныне будет лично присматривать за тем, чтобы эту безусловно очень талантливую балерину не затирали.

Ни малейших угрызений совести я не испытывал, ибо уже знал, что эти самые императорские театры по совместительству являются элитным борделем для семьи Романовых и особо приближенных к ней лиц и карьера балерины здесь зависит не только от ее таланта, но и от того, чей любовник круче. Кроме того, Юля действительно хорошо танцевала – во всяком случае, намного лучше меня. Для развития успеха ей не хватало только достаточно высокопоставленного любовника, вот я и решил помочь девушке. Ну и себе, конечно, тоже.

Дело в том, что в театральном «борделе» действовала своеобразная система оплаты. Почти все Романовы были жмотами даже почище меня и дарили своим любовницам такие крохи, что девушки стали активно искать пути увеличения доходов. И, ясное дело, быстро нашли. Способ приработка назывался «лоббирование». То, что оный процесс происходил не в парламенте, а в койке, сути дела не меняло нисколько. Поэтому я считал необходимым завести связи в театральных кругах Петербурга.

Но это было сравнительно давно, а теперь мне все-таки удалось выкроить полдня и сходить на «Спящую красавицу» с Ритой, которой кто-то уже успел сообщить, что русский балет – это нечто фантастическое. Так как императору вроде было положено время от времени появляться на подобных мероприятиях, то я вздохнул и привел молодую жену в храм Терпсихоры. В принципе, там оказалось не так уж скучно, Юля талантливо изображала из себя Аврору (не крейсер, а древнюю богиню), а в третьем акте я неплохо вздремнул. Мне даже приснились похороны Брежнева, хоть на сцене в это время шло и не «Лебединое озеро». А потом я очень вовремя проснулся и, увидев, что молодая жена аплодирует, присоединился к ней.

Вечером у нас был намечен ужин, на который я пригласил Мосина, причем вместе с супругой. Услышав историю их любви, Рита разохалась: «ой, как это романтично», а узнав, что я собираюсь встретиться с Сергеем Ивановичем, предложила позвать его вместе с женой на ужин в узком кругу.

- Но учти, что мы с ним будем обсуждать технические вопросы, – предупредил я жену.
- Ты их даже со мной иногда обсуждаешь, так что переживем, – отмахнулась Рита. – Лучше скажи, как зовут его жену, чтобы не получилось неудобно.
- Варвара Николаевна. Да ты не волнуйся, они же небось сразу представятся.
- Во-первых, могут и забыть от волнения – не каждый день в такой компании ужинают. А во-вторых, я могу забыть – не у всех такая память, как у тебя.

На встречу с Мосиным меня, если быть честным, подвигла банальная жадность. В докладе управляющего морским министерством Чихачева Столыпин выделил покупку трех пулеметов Максима под патрон от берданки по цене две тысячи триста рублей за штуку и заказ еще пяти, уже под новый патрон Роговцева, по цене две семьсот. Далее Петр Аркадьевич приписал, что генерал Драгомиров считает пулемет оружием не только бесполезным, но и вредным, способствующим бестолковой трате патронов. Ну, про закидоны генерала я знал и раньше, но сама цена меня возмутила. Да что же это такое: какой-то паршивый «максим» обходится дороже моего первого автомобиля?! Правда, дешевле второго и третьего, но не так уж сильно. Это при том, что комиссия определила на расходы по изготовлению мосинской винтовки двенадцать рублей! Ну ладно, что такое проектная себестоимость, я знаю. Хорошо, если винтовки будут обходиться казне рублей по двадцать за штуку, но уж дороже двадцати пяти они никак не будут. И все равно, один пулемет обойдется армии недостаточной сотней с лишним винтовок. Тут поневоле задумаешься, нет ли в позиции Драгомирова рационального зерна.

Опять же, флоту-то пулеметы зачем – обстреливать броненосцы или линейные крейсера? Нет, пулеметы пригодятся армии, но не по таким заоблачным ценам, решил я. И, когда ужин плавно перешел в беседу на вольные темы и дамы заговорили о чем-то, понятном только им, я поинтересовался:

– Сергей Иванович, а можно ли модернизировать вашу винтовку так, чтобы рукоятка затвора двигалась исключительно продольно, без поворота, а сам затвор поворачивался отдельно от нее?

– Можно, но зачем?

Во взгляде Мосина ясно читалось сожаление – мол, только-только начал считать его грамотным человеком, а он вон что городит.

– Удобство стрельбы от этого возрастет незначительно, – решил пояснить Мосин, – а сложность в производстве вырастет заметно. А это значит – увеличится цена и упадет надежность.

– Так это будет только первый этап. Второй – примерно посередине ствола просверлить маленькое отверстие, через которое пороховые газы попадут в специальную трубку, где своим давлением будут двигать поршень. А он, в свою очередь, взводит затвор. Такая система сможет стрелять непрерывно, если, конечно, магазин сделать побольше. Патронов на тридцать, а лучше сразу на пятьдесят. И отъемный, разумеется.

– Вы имеете в виду пулемет наподобие того, что предлагает господин Максим? – дошло наконец до Мосина.

– Да, пулемет, но не наподобие. Вы в курсе, сколько этот хапуга хочет за штуку? Почти три тысячи рублей! В общем, мне кажется, что дать вам денег на разработку и получить свой пулемет по цене рублей семьсот, если не меньше, будет гораздо выгоднее. Система с газоотводом под патент Максима не попадает, это я уже выяснил.

– А ведь может получиться, ваше величество, – загорелся Мосин. – У вас тут не найдется карандаша и бумаги?

– Вообще-то у меня все найдется, но обратите внимание, с каким выражением лица на вас глядит Варвара Николаевна. Да и Ри... в смысле Анна Федоровна на меня тоже взирает без особого восторга. Давайте лучше сделаем так – вы все обдумаете, нарисуете эскизы, и, скажем,

во вторник утром мы с вами обсудим детали в спокойной обстановке. Часов в девять вам не рано? Отлично, тогда я предупрежу секретариат о вашем визите, вас сразу проводят до моего кабинета.

Однако, когда Мосины уже ушли, до меня дошло, что возмущение ценой максимовских пулеметов было слегка преждевременным. Вот когда свои запустим в производство, тогда да, а пока надо засунуть жадность куда поглубже и купить штук пять под новый патрон. Один отдать Мосину: пусть посмотрит, что в нем хорошо, а что плохо. Ну а четыре на всякий случай оставить себе.

Несмотря на выбывание Георгия из цепочки наследования престола и вообще отъезд во Францию, похоже, что дядя Володя, он же великий князь Владимир Александрович, продолжает вынашивать какие-то планы. Ну то есть как «какие-то»? Ясное дело, переворота – чего ему еще осталось желать? А по натуре он большой любитель изящных искусств и покровитель театра, так что переворот он наверняка представляет в виде стройных рядов гвардии, выстроившихся на площади перед Гатчинским дворцом. Как в лучших литературных образцах. И по таким-то рядам садануть из четырех пулеметов, да еще с водяным охлаждением – это будет натуральная картина маслом. Небось не хуже, чем у какого-нибудь Рафаэля. Отсюда вывод – заниматься экономией будем потом, а пока лучше заказать Максиму не пять, а десять пулеметов. Мало ли, вдруг какой из них сломается в самый неподходящий момент, так что должен быть небольшой запас.

– Какие милые люди! – отвлекла меня от раздумий об искусстве жена. – Их любовь достойна описания самим Шекспиром. И раз уж речь зашла о театре, позволю себе еще раз восхититься восходящей звездой Мариинского театра Юлией Кшесинской. Давай ее пригласим на следующий подобный ужин? Не волнуйся – я хоть и знаю, что вас с ней связывало, вы же практически не скрывались, но не считаю, что ты начнешь изменять мне прямо за ужином.

Я давно заметил, что Рита весьма неглупа и умеет делать правильные выводы даже из не очень очевидных посылок, поэтому только спросил:

– Тебя не будет смущать общение с моей бывшей... э... подругой?

– Меня же не смущает ежедневное общение с Людмилой, – с невинным видом возразила моя дражайшая половина.

Вот это да, ошарашено подумал я. Неужели мышка проболталась? Да нет, не может такого быть. Скорее Рита расколола ее на косвенных вопросах, заданных в разные дни. Против такого в общем-то довольно наивная Людочка беззащитна.

– Не обязательно спрашивать прямо, – кивнула Рита. – Кроме того, я все-таки была не до конца уверена в своих выводах, но ты сейчас полностью их подтвердил своим видом.

Да уж, прямо не жена, а какой-то натуральный Мюллер в юбке, подумалось мне. Рита же продолжала:

– Я уже знаю, какие нравы царят в императорских театрах. И думаю, что тебе не стоит упускать такую возможность – во-первых, получать нужные сведения, а во-вторых, в желательном направлении воздействовать на нужных людей. И мне интересно: достаточно ли твоя Юлия умна, чтобы потянуть такое?

– Думаю, что да, и она уже не моя, а наша. Хорошо, прикинь, когда будем приглашать, а известить ее, не привлекая лишнего внимания, я смогу.

И тут меня осенило. Сам же хотел создать какую-то контору, полностью независимую от канцелярии! И не мог сообразить, кому же поручить такое деликатное дело. Так вот она сидит, готовая руководительница, бери ее и запрягай работать. Для начала действительно пусть потренируется на балеринах и певичках, а с приходом опыта можно будет расширить как штаты, так и круг задач. Причем в обозримом будущем у Риты вряд ли появятся какие-то свои интересы, вступающие в решительное противоречие с моими – ну, разумеется, если я не начну вести себя

как свинья, однако уж на это у меня силы воли хватит. А так – не станет меня, и ей останется только возвращаться в Германию, приживалкой к брату Вильгельму, ибо иначе ее тут быстро скушают. И Рита, умница, наверняка все это отлично понимает.

Далее я в который раз не самым добрым словом вспомнил отправившего меня сюда в дикой спешке Шахерезада. Ну куда он торопился, как голый на это самое? Ладно там курсы акций, я сейчас и без них не сказать, что очень бедный. Но ведь и про принципы формирования спецслужб я знаю только из творений Юлиана Семенова и Богомила Райнова! То, что стало называться детективами в девяностые, всякие там «Бешеный против Кривого» и «Слепой против Недотраханного», лучше вообще не вспоминать. Как ни жаль, но придется учиться по ходу дела.

А ведь я, кажется, понимаю, почему он спешил, да и вообще более или менее представляю себе все кажущиеся нестыковки краткой эпопеи с моей отправкой в девятнадцатый век. Зачем Шахерезаду позарез нужно было в будущее? Да затем, что он сам наверняка родом оттуда, а вовсе не из двадцать первого века. И тот организм, что встретился мне в сквере, был просто временным носителем сознания. Шахерезад спас его от одной болезни, но у реципиента тут же развился рак – наверняка ведь выбор был не очень тщательным, требовалось всего лишь найти в двадцать первом веке кандидата на путешествие в прошлое.

То есть все логично. Наверное, в будущем наука как-то смогла вплотную подойти к пониманию того, что есть душа и по каким, блин, законам она существует. Но наверняка там век Шахерезада по тем или иным причинам подходил к концу, и он скорее всего уже подыскал себе недавно скончавшегося младенца из хорошей семьи. Однако переселиться в его тело из своего времени не мог, поэтому и затеял авантюру с промежуточным путешествием в прошлое. А что? Гипотеза как гипотеза, она объясняет почти все странности произошедшего со мной двадцать лет назад, но практически бесполезна как руководство к действию. В общем, думать надо, напутствовал я себя. Причем головой, а не местами, расположенными симметрично ей относительно желудка. Хоть спереди, хоть сзади. И тогда все будет хорошо.

В этом я убедился сразу, ибо мысль тут же вернулась к пулеметам. Да, изделие Максима под патрон от берданки есть ублюбочность в чистом виде, но этих патронов сейчас в Гатчине завалились, и в любой момент может стать еще больше. А с патронами к мосинке – увы. Поэтому даже такой несовершенный пулемет под морально устаревший патрон все же лучше, чем вовсе никакого. Мало ли что может случиться до того времени, пока придут десять штук, кои еще надо заказать. Поэтому следует вызвать к себе Чихачева, обласкать его, похвалить за правильное отношение к внедрению технических новинок во флоте, а потом попросить один пулемет из тех трех, что он уже купил. Не насовсем, разумеется, а на время, потребное для его тщательного изучения. Или, другими словами, до тех пор, пока не придут десять штук уже под нормальный патрон. Причем этот первый пулемет Мосину лучше вообще не показывать.

Еще в двадцатом веке я твердо уяснил алгоритм решения задач, требующих элементов изобретательства. Так вот, первым делом следует в самых общих чертах изучить проблему. Но сразу детально знакомиться с тем, что на эту тему придумали другие, нельзя! Сначала надо самому поломать голову. И лишь когда начнут вырисовываться какие-то решения, можно смотреть, к чему привели чужие усилия. Только так есть вероятность получить что-то действительно новое, а не слегка измененную копию давно существующего образца. В общем, пока у Мосина не появится проработанных эскизов его собственного изделия, «максим» на изучение я ему не дам.

Когда мы собирались ложиться спать, Рита повторила мне то, что несколько ранее я уже слышал от мышки.

– Можешь теперь так не стараться, выбиваясь из сил, ты свою задачу уже выполнил, – так закончила свое сообщение жена.

Я натурально ощутил себя оскорбленным в лучших чувствах.

– То есть как это могу не стараться – а если я не хочу? В смысле наоборот, хочу продолжать, и с ничуть не меньшим усердием. Ты что, против?

– Разумеется, нет, – улыбнулась Рита и стянула ночную рубашку, даже не попросив отвернуться.

Глава 5

Смею вас уверить, что, скажем, крыса – вполне приличное домашнее животное.

Если, конечно, она одна, максимум две и живут они в клетке. У меня, например, в двадцатом веке одно время жили, и никакого вреда от них я не видел, хотя довольно часто выпускал зверюшек из клетки погулять по квартире и поиграть с сыном. Но десятки этих поодиночке довольно милых животных, да еще на свободе, способны быстро сожрать и квартиру, и ее хозяев. То есть в этом случае без дератизации никак не обойтись.

Аналогичная картина сложилась в Российской империи с великими князьями. Поначалу их было совсем немного – настолько, что у Елизаветы даже возникли определенные трудности с назначением наследника. При Павле великие князья начали потихоньку плодиться, при Александре Первом их количество достигло оптимального значения, а уже в конце правления Николая Первого стало избыточным. Так как ситуация продолжала развиваться в том же направлении, то к концу девятнадцатого века я уже не видел иного выхода, кроме проведения дератизации. Или, если по-русски, то обескрысивания, в документах же этот процесс лучше назвать оптимизацией высшего звена управления. Или даже как-то еще более обтекаемо.

А то ведь сожрут, заразы, больно уж их развелось много. И меня, и страну заодно.

Вот только не надо обвинять меня в излишней кровожадности. Если бы эти крысы вели себя прилично, как те, домашние, никто бы против них ничего не замышлял, несмотря на количество. Но ведь грызут же, твари! Все подряд. Жалко, что их нельзя перетравить всех разом, придется потихоньку, по одному.

Примерно такие мысли одолевали меня в процессе прочтения совместного доклада Столыпина и Бунге, в котором они по моему заданию попытались хотя бы приблизительно подсчитать, во что обходится России содержание императорской фамилии. Цифры получились удручающие. Прямые расходы на всякие выплаты – порядка десяти миллионов в год, общие – двадцать один миллион, а с учетом разнообразных доходов великих князей, в значительной части левых, не меньше тридцати пяти. Да чтоб я так жил! И ведь это уже после основательного урезания выплат, произведенного отцом в восемьдесят шестом году.

Тот же дядя Алексей имел официальных доходов на триста с небольшим тысяч в год, а тратил миллиона по полтора. Ему же, бедному, отец уменьшил содержание, вот и приходится добирать, где только получится.

Однако эмоции в таких сложных вопросах только мешают, и я поручил составить два документа. Первый – секретариату, в котором великие князья выстраивались в порядке уменьшения нагрузки на казну, то есть начиная с самых дорогих в содержании и заканчивая самыми дешевыми. И второй – его должна была подготовить канцелярия, то есть совместно Рыбаков, Рогачев и Зубатов. В нем великих князей следовало классифицировать по степени потенциально возможного вреда, который они мне могли нанести.

Что было вполне ожидаемо, на первом месте в обоих списках гордо красовался дядя Володя, но дальше пошли странности. На втором я и там, и там ожидал увидеть генерал-адмирала, но в финансовой классификации он оказался третьим, а как потенциальный вредитель – вообще шестым.

– Почему так? – поинтересовался я у Рогачева, представлявшего мне творение канцелярии.

– Потому что он дурак, – последовало исчерпывающее объяснение. – Уже ухитрился поссориться с братьями Владимиром и Сергеем на почве отношения к браку Георгия.

– Так, с ним понятно, но почему вы с коллегами посчитали не очень опасным Сергея Александровича? Восьмое место в списке – это как-то не впечатляет.

– Потому что его неприязнь к тебе, как императору, связана только с тем, что он с подачи Владимира Александровича считает тебя либералом и западником. А как к человеку – Сергей Александрович, будучи до крайности чопорным, достаточно свободное общение воспринимает с подозрением. Сейчас Зубатов получил к нему доступ и собирается потихоньку начинать рассеивать его заблуждения.

– Каким образом мелкий секретный сотрудник охраны ухитрился выйти аж на самого генерал-губернатора?

– Наоборот, это Сергей Александрович на него вышел. Он заинтересовался работой московского охранного отделения по взятию рабочего движения под контроль, а Бердяев не стал скрывать, что все это придумал его молодой сотрудник.

Я кивнул. То, что в ином мире получило название «зубатовщина», здесь пока еще никак не называлось, но зато началось заметно раньше.

– И еще вопрос на сегодня. Почему последний в списке, Константин Константинович, подчеркнут зеленой линией?

– Вреда от него вообще никакого, но при желании и минимальном приложении сил можно будет поймать пользу.

– Постой, это случайно не тот, который пишет неплохие стихи?

– Совершенно верно.

– Составь на него подробное досье, надо будет познакомиться поближе. На сегодня все, успехов тебе в дальнейшей работе.

– Про фонды не забудь, – напомнил Рогачев. Имелось в виду, что работа в высшем свете обходится недешево и тех денег, что я выделил на это дело, уже не хватает.

– Помню, помню, иди, на следующей неделе получишь.

Оставшись в одиночестве, я положил перед собой оба списка и слегка задумался. Пожалуй, ход Рыбакова оказался не только значительно более безопасным в случае утечки сведений, нежели то, что первым делом пришло в голову мне и Михаилу с Сергеем, но и более эффективным. Смерть Георгия, даже если ее и удалось бы выдать за естественную, что далеко не факт, все равно не внесла бы в ряды моих противников такого раскола, как его женитьба. И теперь персоны, занимающие две верхние строчки в обоих рейтингах, оказались практически без поддержки остальных членов императорской семьи.

Итак, что они собой представляют? Начнем, пожалуй, с дяди Володи.

Николай в иной истории его откровенно побаивался, а Ники в этой испытывал раздражение от одного его вида. Чья заслуга – ладно, не будем хвастаться даже перед самим собой, тем более что это уже неактуально.

После убийства Александра Второго Владимир Александрович организовал некое якобы тайное общество «Священная дружина», имевшее задачей охрану престола и совершенно опереточное по своей сути. Оно кое-как просуществовало года полтора, а потом отец вызвал великого князя в Гатчину и устроил втык. Прежде чем дверь кабинета плотно закрылась, я успел услышать звук удара (к сожалению, всего лишь кулаком по столу, а не по хлебалу визитера) и возмущенный возглас отца:

– Володька, кончай дурить!

Меценат, покровитель искусств, широко образованный человек. Ну то есть по мнению высшего света широко, а с моей точки зрения – хоть и глубоко, но довольно узко. Может, например, сказать, что делала императрица Елизавета такого-то дня такого-то года или с первого взгляда отличить картины Тициана от картин Рафаэля, но в области естественных наук даже более невежественный, нежели я в высоком искусстве. Я хоть знаю, чем опера отличается

от драмы и балета, а для дяди Володи все разделы электротехники – одинаковый темный лес. И химии тоже. Правда, фамилию Ньютон он явно когда-то слышал.

Официальной любовницы у него нет и, насколько смогла раскопать моя канцелярия, неофициальной тоже. Он просто любит смотреть, как молоденькие балерины репетируют, не против зайти к ним в уборную (это не санузел, а место, где они переодеваются и красятся), непринужденно там поболтать.

В общем, этот дядя являлся бы обычным и не очень опасным великосветским позером, не будь он столь богат и не командуй гвардией. Кстати, Николай Николаевич-младший одно время надеялся, что в случае воцарения Георгия дядя Володя уступит гвардию ему, но со временем понял беспочвенность подобных ожиданий, и сейчас между ним и Владимиром нет ни малейшего подобия согласия.

Его, мягко говоря, неприязнь ко мне скорее всего связана с тем, что он считал себя неофициальным главой царской семьи, так как вдовствующая императрица более не могла составлять ему конкуренцию по состоянию здоровья, а тут на тебе! Какой-то сопляк не только стал императором, но и не желает слушать советов уважаемых людей. Кроме того, я не исключал, что дядя Володя, обладая развитой интуицией, как-то чувствует, какой именно вариант его дальнейшей судьбы является для меня наиболее предпочтительным.

Следующий фигурант в обоих списках – великий князь Михаил Николаевич. Этого я знаю гораздо хуже дяди Володи, ибо редко с ним встречался. Он наместник на Кавказе и в Питере появляется не очень часто. Во всяком случае, реже, чем в Париже. Хотя у него два дворца в столице, два – в Петергофе и еще довольно большое имение неподалеку. Самый старший из Романовых – можно сказать, патриарх. Имеет авторитет в семье, но не так уж активно им пользуется. Обладатель роскошной бороды. В качестве генерал-фельдцейхмейстера проявил себя неплохо, то есть не нанес русской артиллерии практически никакого вреда, а в начале его правления, как мне говорили, наблюдалась даже определенная польза. Все правильно, из Франции вмешиваться в артиллерийские дела несколько неудобно, а с Кавказа и тем более.

Основной источник доходов вовсе не великокняжеское пособие. Официально это прибыль от имений, а по сведениям моей канцелярии – от спекуляции земельными участками на Кавказе. Естественно, в особо крупных размерах и с использованием служебного положения в личных целях.

Главная причина неприязни этого великого князя ко мне – он глубоко убежденный консерватор, а меня почему-то считает реформатором. Нет, спорить не буду, у меня в планах действительно довольно серьезные новшества – но он-то это откуда знает?

Впрочем, сейчас Михаил Николаевич в печали сразу по двум причинам. Недавно его второй сын Михаил Михайлович, он же Миш-Миш, самовольно женился на какой-то не предназначенной ему графине и сбежал с ней в Париж, сделав это почти одновременно с Георгием. Впрочем, этот слинял в Ниццу. И я одним махом подписал два указа об их изгнании из России и лишении великокняжеского содержания. Правда, брату с Мариной оно продолжало выплачиваться, просто теперь неофициально, а вот Миш-Мишу – фигушки, у меня карманы не бездонные, пусть его родители содержат. Но не успел великий князь толком впасть в ярость по этому поводу, как у него умерла жена, причем в сравнительно молодом возрасте, на пятьдесят втором году жизни. Так что в ближайшее время Михаил Николаевич вряд ли будет способен на активные действия из-за одолевшей его черной меланхолии, но наверняка этого утверждать нельзя, поэтому пусть пока остается на втором месте в списке потенциально опасных.

Ну а теперь, кажется, можно обратить внимание на персону, в финансовом списке красующуюся на третьем месте, а во вредительском – на шестом, то есть на великого князя Алексея Александровича. Должность – генерал-адмирал, и он считает себя самым главным во флоте, весьма неприязненно относясь к любым попыткам вмешательства в дела своей вот-

чины. Основной источник левых доходов – подношения подчиненных, которым он не мешает воровать. Причем не мешает – это еще довольно мягко сказано. Примерно так, как в двадцать первом веке мебельный министр обороны не мешал своим бабам.

Вообще-то этот дядя имел довольно интересную биографию. Девятнадцатилетним оболтусом он влюбился в двадцатисемилетнюю фрейлину матери Александру Жуковскую, а она ответила ему полной взаимностью. Я, кстати, еще в бытность свою простым великим князем поручил секретарям Ники разыскать ее портрет, и мое задание, что удивительно, было выполнено всего дня за три. Двадцать семь лет, говорите? – подумал я, глядя на фотографию. Хм, я бы ей меньше тридцати пяти не дал.

Короче говоря, молодые влюбленные сбежали в Италию, где обвенчались, но вскоре выяснилось, что для жизни (ну кто бы мог подумать!) нужна такая презренная вещь, как деньги. Причем их почему-то никто не приносит со словами «извольте принять, вашество». Ну не гады ли эти итальянцы?

Разумеется, попытаться хоть что-то заработать своим трудом молодым влюбленным и в голову не пришло. Помыкавшись некоторое время и убедившись, что никто им даже в долг ничего не даст, молодые вернулись в Россию и начали канючить императорской чете о своей великой любви и о том, что их надо простить и начать вновь выплачивать великокняжеское содержание.

Однако император почему-то не пошел по пути всепрощения и заявил, что он объявляет случившийся где-то там брак неправославным и недействительным. После чего Сашенька Жуковская была отправлена в Австрию, а ее возлюбленный – аж в Америку, где он (видимо, от горя) принял деятельное участие в истреблении бизонов в компании с небезызвестным Буффало Биллом.

Вернувшись в Россию, Алексей заявил, что его сердце навсегда разбито, он никогда более не сможет связать свою судьбу ни с одной женщиной, после чего со спокойной совестью занялся тем, что только и умел делать в жизни, то есть пьянством, обжорством и... как бы это помягче сказать... в общем, активным осеменением.

Собственно говоря, этим он продолжал заниматься и сейчас, только с тем отличием, что очередная пассия Зинаида Богарне смогла крепко взять его в руки, и теперь он вел себя почти как образцовый семьянин, изменяя своей любовнице лишь изредка и исключительно по пьяни.

Видимо, воспоминания о своем юношеском романе и подвигли Алексея Александровича одобрительно высказаться о тайном браке Георгия с Мариной. Естественно, всех остальных Романовых подобное отнюдь не обрадовало, но генерал-адмирал, не отличаясь хоть сколько-нибудь заметным интеллектом, этого просто не понял.

В общем, с моей точки зрения, на посту генерал-адмирала Алексей Александрович был явно лишним. Да и сам пост тоже, пожалуй, лучше было бы вообще упразднить.

План, как это сделать, у меня в первом приближении оформился уже через несколько дней.

Почему я решил начать не с первых по списку? Да потому, что для открытого конфликта с ними у меня пока еще руки коротки.

Глава 6

– Ваше императорское величество, корабельный инженер Титов по вашему приказанию прибыл! – с верноподданическим выражением на хитрой физиономии рывкнул вошедший.

– Дядя Петя, не ори, чай, не в лесу, – попросил я. – Тем более что посторонних здесь нет, они вообще в мой кабинет редко заходят. Ты, кажется, уже заканчиваешь с броненосцем «Наварин»?

– Нет, Алик, его через месяц только на воду можно будет спустить, а достраивать придется еще долго. Хорошо, если года в два уложимся.

– М-да... не знал. Но все равно не верю я, чтобы ты о новых кораблях не думал.

– Думаю, так думки-то мои к делу не пришьешь. Чтобы корабль появился, нужен заказ и соответствующее финансирование.

– Вот как раз чтобы предложить тебе и то и другое, я тебя и позвал. Возьмешься построить царскую яхту?

– Смотря какую ты захочешь. И чем же тебя те, что есть, не устраивают? Сколько их у тебя, штук десять наберется?

– Было одиннадцать, две уже проданы, на остальные ищут покупателей. Мне и одной хватит, но хорошей.

– Да? Надо же, как интересно. И что за корабль ты себе захотел?

– Записывать не будешь, так запомнишь? Тогда слушай. Скорость хода – не менее двадцати двух узлов, дальность – пять тысяч миль, таранный форштевень не нужен, бронирование... ну, скажем, пояс – миллиметров двести по всей ватерлинии, боевая рубка – двести пятьдесят, палуба – около восьмидесяти. Вооружение – четыре восьмидюймовки в двух башнях, восемь шестидюймовок в казематах и столько же немецких стопятимиллиметровок. Ни минного вооружения, ни малокалиберной артиллерии на этом корабле не будет. Императорские покои – две смежные каюты общей площадью метров тридцать, пятиметровая кухня и совмещенный санузел. С двигателями я тебе помогу и с электрикой тоже. Ограничений по финансированию не ожидается, не верю я, что ты начнешь воровать. И другим наверняка не дашь. Но эта яхта нужна мне к лету девяносто четвертого года.

– Если вовремя будут машины и башни да задержек с деньгами не случится, то вполне можно успеть. Хочешь, значит, что-то вроде недавно заложенного «Рюрика», только с большей скоростью хода за счет уменьшения дальности и количества вспомогательной артиллерии. Интересный корабль может получиться, но с кем же это ты, Алик, лично воевать собрался?

– Ну почему же лично? Вполне могу это поручить кому-нибудь другому, статус императорской яхты позволяет. Насчет же «с кем» – сам подумай, технические данные намекают довольно прозрачно.

– М-да... как океанский рейдер-одиночка такой корабль будет однозначно хуже «Рюрика» из-за меньшей дальности, да и средний калибр слабоват. Для Балтики он не нужен. Для Черного моря – тем более, да и не предложил бы ты мне строить корабль в Николаеве. Значит, остается Дальний Восток. Ты, Алик, в своем репертуаре – вне программы, без конкурса, без обсуждения в Морском техническом комитете...

– Вот потому он и задуман как императорская яхта. Я самодур или кто? И никакой МТК для удовлетворения моих потребностей мне не нужен. Я знаю, чего хочу, ты знаешь, как это сделать – что еще надо? А если вдруг захочется что-нибудь обсудить на досуге, так у меня для этого свой комитет есть. Кстати, привлекать можешь кого угодно и за приличные деньги. Например, того студента, что тебя высшей математике учил.

– Крылова-то? Светлая голова, но только его уже Макаров сманил на свою опытовую станцию.

– Она недалеко, не надорвется еще и тебя консультировать.

– Ладно, договорились, но только ты мне хотя бы намекни, коли прямо сказать не хочешь, – угадал я с его назначением или как?

– Почти угадал, дядя Петя. Почти.

Не было ничего удивительного в том, что Титов упустил еще один регион возможного оперирования подобных броненосных крейсеров – Северную Атлантику с базированием в Мурманске. Просто потому, что никакого Мурманска не было даже в проекте. Окружение дяди Алексея в данный момент активно склоняло его к постройке порта в Либаве, но я, зная дальнейшую судьбу этого строительства, собирался найти деньгам лучшее применение. А корабль... кстати, если все пойдет так, как я сейчас думаю, то именно ему найдется неплохое дело как раз на Дальнем Востоке. Все равно железную дорогу к будущему Мурманску за два года не построить. Да и за три, пожалуй, тоже.

После ухода Титова я задумался на тему, кому бы поручить разработку перспективных типов торпед, хоть их и не будет на новом крейсере. И как они, между прочим, должны быть устроены?

Сейчас торпеды назывались самодвижущимися минами Уайтхеда и приводились в движение пневматическими движками, работающими от баллона со сжатым воздухом. Я знал, что более поздним и, соответственно, более прогрессивным типом торпед являются парогазовые. Это было прекрасно, но идиллию омрачало одно малюсенькое обстоятельство. Оно заключалось в том, что, кроме названия, я про этот тип торпед вообще ничего не знал. Но когда подобные мелочи были препятствием для настоящего инженера? Так что я начал думать.

Итак, название подразумевает, что движутся они при помощи пара и газа. Чтобы образовалось и то и другое, что-то должно сгореть, или, точнее, окислиться. А раз окисляться без кислорода ничего не может, значит, баллон со сжатым воздухом, а со временем и с кислородом там все равно остается. Только он не будет крутить винты напрямую, а послужит для обеспечения горения чего-нибудь – например, керосина. Или сжатого горючего газа. Энергии в этом случае выделится гораздо больше. И, наверно, горящее топливо испаряет воду – для увеличения объема рабочего тела и понижения его температуры. Тогда становится понятно, откуда в названии взялись и пар, и газ. Осталось только сообразить, кому бы поручить воплотить только что придуманный принцип в реальную конструкцию, и все будет замечательно.

С чего это я вдруг решил заняться еще и флотскими делами, хотя сам не так давно говорил отцу, что Россия – держава сухопутная и для нее главное – армия? Да, но флот тоже не помешает, потому как чисто сухопутных потенциальных врагов у нее вроде нет. Разве что Австрия, но в одиночку она на нас никогда не полезет. Так что какой-то флот для обороны морских рубежей все равно необходим.

И кроме того, мало ли что я кому говорил? Главное ведь, что при этом имел в виду.

Как уже упоминалось, мои государственные дела, к коим я без зазрения совести отнес и обсуждение проекта императорской яхты, заканчивались самое позднее в два часа дня. Потом следовал обед, а после него три раза в неделю – занятия с Михаилом.

Мать теперь жила в Аничковом дворце с дочерьми Ксенией и Ольгой. Мишка же обитал в Гатчине под предлогом того, что ему нужно получить достойное техническое образование. Мать поначалу заявляла, что и она сможет его обеспечить, но Мишка с моей подачи уперся и заявил – мол, он собирается связать свою жизнь с воздушным флотом, а превзойти все потребные для этого науки можно только в Гатчине. Правильно, чем более близок будет ко мне младший брат, тем меньше вероятность покушений. Какой смысл менять шило на мыло, тем более что опекуном над Мишкой до его совершеннолетия будет Рита? А уж после него он и сам не растеряется, особенно если его правильно воспитать.

– Итак, – заявил я брату, – будем считать, что необходимый минимум знаний по физике ты уже получил и пора переходить к основам теории полета. Начнем мы с тех аппаратов, которые легче воздуха.

– Почему? – попытался возмутиться Мишка. – Которые тяжелее, летают лучше! И ты сам обещал меня через год начать учить летать на дельтаплане и втором аэроплане Можайского.

– Каков должен быть минимальный объем водородного дирижабля с максимальным взлетным весом в четыре тонны?

– Разумеется, четыре тысячи кубов! Плюс небольшой запас, это уже от конструктора зависит.

– Правильно. А какова потребная мощность для уверенного взлета аэроплана весом восемьсот пятьдесят килограммов? Площадь крыла триста квадратных метров, профиль плоский, относительное удлинение два и два.

– Шестьдесят лошадиных сил!

– С чего это ты взял?

– Ты мне описал первый аэроплан Можайского, а у него мощность была как раз такая, и он полетел.

– Ответ, увы, неверный, хотя ты, конечно, все равно молодец, узнал технику по неполному описанию. Однако не учел, что первый самолет Можайского взлететь с ровного места не мог. Мне пришлось разбежаться по специальной наклонной дорожке с уклоном в пять градусов. Так вот, потребная мощность тут составляет не шестьдесят, а чуть больше восьмидесяти сил, но подсчитать это очень непросто. Вот потому, что аппараты тяжелее воздуха требуют гораздо более трудоемких расчетов, мы и начнем с тех, которые легче, благо переводить кубы объема в килограммы подъемной силы ты уже умеешь. Сначала рассмотрим один из самых простых случаев. Полное безветрие, воздушный шар оторвался от земли и начал подъем. Какие силы в этот момент на него действуют?

В пять часов был легкий полдень, а после него я продолжил педагогическую практику, но только уже по другому предмету и с другим учеником, а если точнее, то с ученицей. Рита пожелала, чтобы я научил ее водить автомобиль. Поначалу она вообще хотела освоить мотоцикл и даже дельтаплан, но тут выяснилось, что у нее наконец-то будет ребенок, и вопрос отпал сам собой. Однако от идеи обучения езде на автомобиле она не отказалась, заявив, что вот с него-то упасть будет ну очень трудно.

– Зато нетрудно на хорошей скорости врезаться в столб, – попытался образумить супругу я.

– Ничего, мы будем ездить не очень быстро и там, где нет никаких столбов.

Я вздохнул и дал ей уже на всякий случай составленную инструкцию по вождению.

– Выучишь – начнем учиться ездить.

– Как, наизусть?

– Нет, можно близко к тексту.

И вот за чаем жена заявила мне, что она готова к экзамену.

– Опиши последовательность действий при переходе со второй передачи на третью, – предложил я. Да, техническое совершенство моих творений повысилось настолько, что последний автомобиль имел аж целых четыре скорости – три вперед и одну назад. Правда, никаких синхронизаторов там не было, так что процесс переключения имел определенные тонкости. Слышали что-нибудь про переключение передач с перегазовкой? А вот я не только слышал, но и в совершенстве освоил этот процесс. Давно, еще в двадцатом веке, на отцовском четырехсотом «Москвиче». А здесь просто быстро вспомнил былое.

– Правую ногу с газа, левую на сцепление, рычаг передач в нейтраль, отпустить сцепление, подождать, пока обороты мотора упадут примерно на треть, снова выжать сцепление, дви-

нуть рычаг влево-назад и быстро, но плавно отпустить сцепление, одновременно прибавляя газ, – бодро отрапортовала супруга.

– Молодец! Пошли.

– Куда?

– Как куда? Вниз, посмотрю, как ты применишь свои глубокие знания на практике. Автомобиль стоит у нашего подъезда.

– Ой, Алик, вот прямо так сразу? Я боюсь.

– Тогда давай отложим практику вождения до после родов, – обрадовался я.

– Дорогой, ну надо же понимать – это было сказано для того, чтобы ты меня пожалел и начал уговаривать, что ездить совсем не страшно. Но раз ты ничего такого делать все равно не собираешься, то я передумала бояться. Пошли, хватит тут сидеть! В машине тоже кресло есть.

К вечеру Рита уже умела трогаться, не заглушив двигатель, и ездить по площади перед дворцом по кругу на второй скорости. Для первого урока этого было вполне достаточно, я так ей и сказал.

– Да уж, прямо руки устали это колесо крутить, на сегодня хватит, – согласилась жена. – А когда будет следующий урок?

– Дня через два, раньше ни к чему, пусть только что полученные навыки улягутся.

– Еще кого-нибудь ты учить управлять будешь? – поинтересовалась Рита, когда мы уже поднялись к себе. – А то в империи есть три автомобиля, но водителя для них всего два, да и те император с императрицей. Как-то это несколько неправильно, ты не находишь?

– Нахожу, но у меня дел и без того хватает, так что своих фрейлин будешь учить ездить сама.

– Ой! А если они нам машину сломают?

– Тогда тебе придется научиться ее ремонтировать.

– Алик, ты, наверное, шутишь, – неуверенно предположила Рита.

– Конечно. Обойдутся твои фрейлины, но гараж вместо конюшни делать уже пора.

Да уж, этот вопрос требовал решения, потому что дворцовые конюшни денег жрали как в прорву, а ездил на лошадях только Черевин со своими лейбконвойцами. Маман теперь было не до конных прогулок, я ими тоже никогда особо не увлекался, а Рита вообще верхом ездить толком не умела.

– Почему вместо? – удивилась жена. – Хоть сколько-то лошадок надо оставить. Они такие милые, особенно если к ним сзади не подходить. Да и детям будет интересно.

– Каким еще детям?

– Нашим, естественно. Других тут все равно никаких нет.

– Тут ты немного не права – Мишка есть. Он явно еще не взрослый, но начинать взрослеть ему уже пора.

Этот разговор получил продолжение через пару дней, после очередного занятия с Михаилом.

– Алик, поручи мне какое-нибудь дело! – попросил брат. – Пусть не такое серьезное, как было у тебя с аэропланом Можайского, но только настоящее. Сколько можно в игрушки играть?

– Очень ты интересно рассуждаешь. Когда мы с Ники и Менделеевым клеили первый воздушный шар, это было, по-твоему, как – дело или игрушки?

– Э... не знаю. Наверное, все-таки дело, хоть и игрушка.

– Вот именно. Часто трудно сказать, где кончается одно и начинается другое. И, кстати, самое настоящее дело для тебя есть, а то у меня до него все никак руки не доходят.

– Оно связано с летательными аппаратами?

– Безусловно.

– Я согласен!

– Вот и ладушки, тогда организуй-ка мне музей истории аэронавтики, авиации и автотранспорта.

– Это как?

– На такой вопрос хочется ответить «каком кверху». Что значит как? Берись и делай! Вот смотри – склеили мы тот воздушный шар. Он небось до сих пор где-то в Аничковом дворце валяется. Найти его – и в музей! Мой первый автомобиль туда же, на нем ездить все равно уже нельзя. Дельтапланы пока рано, пусть еще полетают, а вот первый самолет Можайского давно исторический экспонат. Подбери помещение, найди хоть одного человека на роль музейного зрителя – и действуй! Хотя одного, пожалуй, будет мало. Можешь за консультацией в Эрмитаж съездить, там тебе расскажут про организацию этого дела. Не только всякие картины надо сохранить для потомков, но и результаты технического творчества тоже.

Глава 7

Конец лета и осень тысяча восемьсот девяностого года выдались богатыми на события – гибель отца, уход Марины, потом вообще смерть Николая, отчего я имел все шансы просто-напросто забыть про грядущий голод. Но не забыл, ибо мне напомнили.

В канцелярии еще весной девяностого был посажен специальный мелкий чиновник, задачей которого было следить за погодой в европейской части России и в случае каких-либо аномалий, а особенно необычно раннего наступления зимы, тут же докладывать мне. Первый доклад я получил в начале октября, еще при жизни Николая. Второй – сразу после его смерти. Впрочем, даже в Питере было заметно, что с погодой творится что-то не то. С середины октября ударили морозы, но снега выпало очень мало. В общем, уже в ноябре мне стало ясно, что голод, точного времени наступления которого я не помнил, начнется осенью девяносто первого года и будет продолжаться весь девяносто второй. А это означало, что во главе комитета по борьбе с последствиями катаклизмов пора ставить Витте, к тому времени уже освоившегося на посту министра путей сообщения.

– Да, – сказал он мне, – действительно, если такая погода будет продолжаться, то озимые вымерзнут. Но вы, ваше величество, похоже, знаете что-то еще, иначе не беспокоились бы.

– Не знаю, но имею основания подозревать. После такой зимы часто бывает засушливая весна, а это означает, что уже без разницы, какое потом настанет лето. Посаженное все равно успеет засохнуть. И, значит, может начаться голод, а вместе с ним и эпидемии. Но даже если ничего такого и не случится сейчас, то оно обязательно произойдет когда-нибудь потом, к чему лучше быть готовыми заранее.

– Полностью согласен, ваше величество. И у меня сразу появились два вопроса. Первый – почему именно я? И второй – какими полномочиями будет обладать этот комитет под моим руководством?

– Наверное, в качестве ответа на первый вопрос вы ожидали услышать не дифирамбы вашим деловым качествам. Про них я давно знаю, вы знаете, что я знаю, и так далее. Просто мне кажется, что главной причиной голода станет не нехватка хлеба вообще, а его отсутствие в нужное время в нужных местах, и это при том, что в других он окажется в избытке. А вы как раз министр путей сообщения и умеете решать подобные проблемы. Насчет же прав комитета – поначалу их не будет. Кроме одного, но оно у вас и так есть – права личного доклада императору. Правда, я собираюсь дополнить его уточнением «в любое время суток». В остальном же поначалу вы сможете только просить. Разумеется, фиксируя ответы или их отсутствие так, чтобы в нужный момент их можно было мгновенно обнародовать. Небольшой список лиц, которых обязательно надо о чем-нибудь смиренно попросить, я вам подготовлю на днях.

– А вы не боитесь, что кто-нибудь ответит согласиём? – рассмеялся Витте.

– Это вам-то? Вы же лучше меня знаете, как вас любят в высших чиновничьих кругах, а про высший свет я вообще молчу. Ну, а если кто-то окажется умнее, чем предполагалось, так это даже хорошо. С умными людьми проще договариваться.

В конце апреля девяносто первого многие уже начали подозревать, что урожая не будет, и комитет по предотвращению голода получил реальные и довольно широкие полномочия. А нам с Ритой следовало срочно короноваться – ну не устраивать же торжества в то время, когда народ голодает! Это может быть неправильно понято. В силу чего коронация была назначена на середину мая, причем я не поленился перед ней без всякой помпы съездить в Москву и лично предупредить великого князя Сергея Александровича о недопустимости каких-либо беспорядков, а уж тем более жертв из-за плохой организации торжеств. Кроме того, такая же задача была поставлена и перед начальником московской охранки полковником Бердяевым.

– Мне кажется, что вам пора уже примерять генеральские погоны, – объяснил я ему. – И хорошая организация коронационных торжеств станет достаточным к тому поводом, плохая же... сами понимаете.

– Понимаю и не собираюсь отказываться, но это все же более дело обер-полицмейстера, нежели мое.

– С Власовским тоже побеседуют, но дело тут в том, что его-то я повышать не планирую. Кроме того, есть еще одна тонкость. Я опасаясь не только беспорядков или случайных жертв из-за плохой организации и чьей-то безалаберности, но того, что кто-то захочет специально спровоцировать нечто подобное. Фактов у меня нет, но такое было бы вполне логично и для моих врагов из высшего света, и для революционеров, и для англичан с французами.

– А этим-то какой резон?

– Ну, во-первых, после поражения во Франко-прусской войне их самостоятельность во внешней политике стала весьма урезанной. А во-вторых, чем хуже у меня пойдут дела, тем больше вероятность, что я приму их, условно говоря, искреннюю и бескорыстную помощь на приемлемых условиях. Нет уж, пусть они ее засунут куда поглубже. В общем, вот это как раз ваша работа, согласны?

– Безусловно, ваше величество.

– Мы же одни, поэтому можно короче – Александр.

– Знаете, это только молодежь вроде Зубатова может легко называть императора по имени. Они все в душе нигилисты, а людям старшего поколения такое очень уж непривычно, так что покорно прошу извинить. У меня пока просто язык не поворачивается.

– Ладно, надеюсь, что этот момент все же когда-нибудь наступит. А пока давайте решим еще один вопрос. Мне правильно кажется, что деятельность Зубатова в качестве тайного агента себя уже исчерпала?

– Совершенно верно, про него уже многие знают, но у меня в штате просто нет подходящей должности. Не оформлять же его простым филером!

– Раз нет, надо создать, только и всего. Напишите прошение на имя генерал-губернатора о том, что вам необходима штатная единица пресс-секретаря. Имеется в виду ваш личный секретарь, который возьмет на себя взаимодействие с прессой и общественностью.

– Неплохо. А его высочество согласится?

– Вроде должен, он же считает Зубатова своей креатурой. Я пока не хочу вмешиваться именно для того, чтобы он и дальше продолжал так считать.

С Сергеем я побеседовал ближе к вечеру. Поначалу он не очень понял, чего потребует от него новая должность, но я объяснил:

– Того же самого, что вы с Бердяевым сделали и продолжаете делать в рабочем движении. То есть даете возможность тем, кто не хочет идти на обострение отношений с государством, отстаивать свои интересы легально и практически безопасно. Разумеется, смутьяны от этого никуда не делись, но они перестали быть для рабочих единственным светом в окошке. Так вот, мне кажется, что настала пора проделать нечто подобное и с прессой. Для начала только в Москве и под твоим присмотром, а там видно будет. Все-таки пресса – большая сила, и с ней надо взаимодействовать так, чтобы это было выгодно обеим сторонам.

– Пока есть цензура в ее нынешнем виде, особого взаимодействия не получится, – усмехнулся Сергей.

– Совершенно верно, про нынешний вид ты упомянул очень кстати. Надеюсь, ты понимаешь, что предоставлять писакам полную свободу творчества можно и нужно, а вот свобода знакомить публику с его результатами должна иметь ограничения.

– Да, но как это оформить? Тут надо основательно подумать.

– Я уже слегка шевельнул извилинами. В общем, все надо делать по закону. Если чего-то строго по закону не получается, необходимы предложения, как лучше этот самый закон подкорректировать для должного торжества всего хорошего над всей... э... в общем, над всем плохим. Например, сейчас, если какая-нибудь газетенка ляпнет об императоре что-то неуважительное, то цензура это просто не пропустит. До закрытия газеты дело может дойти только в том случае, когда подобные фокусы станут регулярными. Но ничего не помешает паршивому листку возродиться на следующий день под каким-нибудь новым названием. Не очень эффективная система, как мне кажется.

– И что делать?

– Первым делом понять, что на самом деле газета, журнал или любое другое издание – предметы неодушевленные. Идеи продвигают в жизнь не кусочки бумаги с напечатанными там буквами, а люди, написавшие эти буквы. И, значит, закрывать надо не газеты, а людей. Для чего следует иметь под рукой свору заранее прикормленных юристов, причем таких, для которых важна не законность сама по себе и уж тем более не какая-то абстрактная справедливость, а исключительно размер их вознаграждения. Плюс агентов, которые раскопают все грехи проштрафившихся мастеров пера, причем не только уголовные. Мало ли, может, он в детстве кошек мучил, а сейчас изменяет не только жене, но и официальной любовнице. Разумеется, если для опекаемого дороги родственники или друзья, то и про их жизнь следует поинтересоваться.

Для реализации подобных алгоритмов нужны издания, готовые печатать всю грязь, что раскопают агенты. Кроме того, я, как истинный христианин (Сергей хмыкнул), предпочитаю руководствоваться заветами Святого Писания. Где сказано: коей мерой меряете, такой и измерится вам. То есть на всех работников издания, замеченного в клевете, в печати вскоре должны появиться материалы, от которых требуется не столько правдивость, сколько убедительность. Ну и гнусность, разумеется, по возможности.

– А что помешает оклеветанным обратиться в суд?

– Ничего, но наших будут защищать лучшие адвокаты, на их гонорарах я экономить не собираюсь. Однако все это только одна сторона проблемы – назовем ее кнутом. Кроме него должен быть и пряник. Это прямая финансовая помощь для самых низкопробных изданий и косвенная – для более приличных. В дальнейшем изданиях, в течение, скажем, года печатавшим только взвешенные материалы, можно в индивидуальном порядке давать освобождение от цензуры.

– Хотелось бы уточнить, что именно ты понимаешь под словом «взвешенные».

– Поясню на актуальном примере. За зиму во многих местах озимые померзли. Сейчас свежие посевы кое-где уже сохнут из-за отсутствия дождей. Если это продолжится, грядет неурожай, а за ним голод. Так вот, его последствия можно описать по-разному, причем все варианты будут в какой-то мере правдивы. Например:

«В селе Косозадово от голода уже умерли десять человек, и то ли еще будет! Царю и его сатрапам плевать на страдания народа, они думают лишь о том, как его ограбить. Долой, блин, самодержавие!».

Или так:

«Наконец-то власть под мудрым руководством его величества и назначенных им кристально честных министров начала заботиться о народе! Благодаря ее неустанным трудам в селе Косозадово не было голодного мора, как в шестьдесят пятом году, когда от голода и болезней умерло более ста человек. Сейчас же всего несколько умерших, да и то не факт, что именно от голода, ибо всякий человек смертен. В общем, Боже, царя храни!».

А можно вот так:

«Да, сейчас жертв заметно меньше, чем во время страшного голода шестьдесят пятого года. Но всякая жизнь бесценна, и родным все-таки погибших от голода наверняка не легче от

того, что раньше было хуже. Так давайте вместе подумаем, все ли было сделано для того, чтобы предотвратить эти пусть и маленькие, но все равно трагедии. Причем и властью, и обществом в равной мере».

Я помолчал и продолжил:

– Не берусь сказать, первый или второй вариант нанесет государству больший вред, но что пользы в обоих случаях не будет, это точно. А вот третий – он и есть взвешенный.

– Хм. Это все, конечно, замечательно, но только кто в каждом отдельном случае будет решать, к какой группе отнести конкретную публикацию?

– Как то есть кто? Разумеется, ты. Поначалу, конечно, и я буду помогать в сомнительных случаях.

– А с нашими трудовыми союзами тогда как быть? Там до идеала еще далеко, и если на меня будет свалена еще и пресса, то нужен толковый заместитель по рабочему вопросу.

– Морозов тебя устроит? Тот самый, которого вы с Михаилом нашли в Петропавловке. Его теперь зовут Лев Александрович Корин, он разочаровался в народничестве и стал убежденным марксистом.

– Ты ему доверяешь?

– Так, слегка. Пригляд, конечно, понадобится.

– Ладно, только мне с марксистами до сих пор работать не приходилось.

– Вот те раз! А я, по-твоему, не марксист, что ли? И ничего, работаем же, вроде особых разногласий пока не видно.

Следующим утром я отбыл в Питер, а через три дня двинулся назад в Москву, уже с женой, сворой сопровождающих лиц и аж на двух поездах сразу. Правда, ехали они не спеша, хоть Николаевская дорога и поддерживалась в лучшем состоянии, нежели Харьковская. Нам с Ритой предстояла коронация. Готовивший ее министр двора Воронцов-Дашков, коего Николай просто забыл выгнать, а я пока решил с этим обождать, заверял меня, что пожелания моего величества будут всемерно учтены и торжества окажутся настолько скромными, насколько это вообще возможно без урона престижа власти. Почему я так решил? У меня, во-первых, врожденное отвращение ко всяким официальным мероприятиям, во-вторых, траур сразу и по отцу, и по брату, а в-третьих, жена беременная. Если за время торжеств она мне хоть раз пожалуется, что устала, вылетит этот тип из министров двора как пробка. А если нет, пусть пока еще немного там посидит. Ворует он вроде умеренно, а ставить вместо него Фредерикса неохота. Он, конечно, человек преданный, но больно уж недалекий.

Глава 8

Ну, даже не знаю, что тут сказать. Моя коронация, конечно, до отцовской по пышности не дотягивала, но вообще-то я представлял себе скромные торжества несколько иначе. Как-то более камерно, что ли. Однако они все-таки закончились, причем сравнительно благополучно. Рита, во всяком случае, не жаловалась. Как ни странно, давки на Ходынке, где теперь было организовано не только не единственное, но и не главное место раздачи подарков, избежать не удалось. Впрочем, с той, что произошла в другой истории, не было никакого сравнения. Полтора десятка в больнице, шестерых затоптали насмерть – вот такие скромные итоги. Плюс еще человек двадцать просто допились дармовой водки до летального исхода. А тех, кто всего лишь до белой горячки, вообще никто не считал.

Естественно, я поинтересовался у Бердяева, не заметил ли он каких-либо признаков того, что давка на Ходынке была каким-то образом спровоцирована. – В самый момент события – нет, – ответил он, – а вот на следующий день вышла любопытная статейка в «Московском листке». Доложить мои соображения или вы сначала сами прочитаете? Тут немного, всего полстранички.

– Давайте. Хм... вот это место, я так думаю, у вас вызвало подозрение?

– Так точно, ваше величество. И еще вот это.

– Да уж, назвать гибель шести людей массовой – это как-то не очень логично. А другие номера вы смотрели?

– Да. Имеете в виду, много ли подобных ошибок в других номерах газеты? Их там вообще нет. Тем более столь неестественных.

– Согласен, предложение построено странно. «Гибель шесть человек тяжким грузом ляжет на»... это или писал не русский, или слово «шесть» было вставлено на пустое место уже после написания статьи. В принципе такое может быть – если статья писалась по горячим следам и автор тогда просто не знал количества жертв. А потом кто-то другой уточнил и вставил. Но мне все же кажется, что данное произведение создавалось вдумчиво, в спокойной обстановке. То есть явно еще до события, и автор в силу каких-то соображений считал, что оно будет иметь существенно больший масштаб. Это означает, что вам придется поработать. Если что раскопаете – сообщайте мне сразу.

И Бердяев, и Зубатов имели независимые и неизвестные друг другу каналы экстренной связи с Гатчиной. Для полковника это был допуск к телеграфной линии императорской связи, а у Сергея в квартире просто стояла радиостанция, вместе с аккумуляторами занимавшая половину средних размеров кладовки.

После того как мы вернулись в Питер и слегка отошли от празднеств, Рогачев сделал небольшой доклад о том, как в прессе освещалась коронация.

– Ничего особенного, – подвел в конце итог Михаил. – Некоторые издания выражают завуалированные надежды, что его величество Александр Четвертый вернется на курс деда, с которого столь резко свернул Александр Третий.

– Еще одну Аляску продать за копейки? Так нету ее у меня, поэтому лучше бы надеялись на что-нибудь другое. Помимо этого что-то заслуживающее внимания было?

– Ну... наверное, все-таки да. Несколько бульварных листков не упустили случая втихую нагадить. Как тебе такой пассаж – «митрополит возложил на голову его величества ворону»? Если бы подобное попало в одном месте, я бы поверил в случайную опечатку, но ведь с вороной отметились два питерских издания и одно московское.

– Да уж, на случайность как-то не очень похоже. И, кстати, вполне возможно, что для автора этой хохмочки родной язык – английский.

– С чего ты так решил?

– Опечатка выглядит естественней в конце слова, нежели в начале. По-английски так оно и есть. Корона – кроун, ворона – кроу. А по-русски была бы более правдоподобной корова.

– Корову на твою царственную главу тоже возложили, – вздохнул Михаил. – В Одессе. Как-нибудь реагировать будем?

– Официально – нет. Зато ничто, по-моему, не помешает каким-нибудь темным личностям набить морду наиболее одиозному из остряков-редакторов. От души, так, чтобы у юмориста появилось побольше времени на «полежать и подумать». С последующим извинением в прессе от тех анонимных злодеев – мол, простите, господин редактор, мы не хотели. Шли рихтовать рыло совсем другому мерзавцу, а тут вы подвернулись, да еще с такой гнусной харей! Вот и обознались нечаянно в темноте. Ошибочка вышла, с кем не бывает.

Отпустив Михаила, я перешел к текучке. Ничего интересного меня не ждало, были только три бумаги из канцелярии. Так как у меня их на самом деле две, то уточняю – из той, которая без кавычек. Заведовал ею бывший помощник Петра Маркеловича, Прохоров, дослужившийся уже до коллежского секретаря. Две были обычными отчетами о произведенных за неделю строительных работах в Приорате, а третья – прошением Макарова об увеличении финансирования его Опытной станции в связи с расширением задач.

Кстати, ее не очень привычное для моего уха название было весьма точным. Ведь если бы станция называлась «опытной», то это означало бы, что у нее есть большой опыт. То есть бывалая станция, что звучит как-то странно. А вот «опытная» – это та, где проводятся опыты. В общем, я бы не сказал, что от реформы правописания в двадцатом веке получилась однозначная польза. Путаницы тоже прибавилось.

А на станцию к Макарову пора бы снова съездить. Я там был один раз, когда она только организовывалась, и будет интересно посмотреть, во что этот зародыш НИИ превратился теперь. Располагался он на Ладого, на окраине деревни Синявино – во-первых, подальше от посторонних глаз, а во-вторых, поближе к воде. Правда, Макаров уже жаловался на не самую лучшую транспортную доступность места, и я решил подарить станции свой второй автомобиль. К тому времени, когда Рита не только родит, но и научится нормально ездить, я успею построить ей что-нибудь получше, а на этом пусть ученые катаются, заодно научатся крутить гайки в полевых условиях.

Станция имела огороженную территорию, одной стороной примыкающую к воде, и внутри оба моих автомобиля пропустили сразу, без досмотра и проверки документов. С одной стороны, все правильно – кому же еще, кроме императора, разъезжать на машинах, если их все равно больше ни у кого нет? А с другой – непорядок, надо будет слегка попенять Макарову. Мало ли, а вдруг это приехал все-таки не я?

У самой воды обнаружился хорошо мне знакомый корпус подводной лодки Дзевецкого третьей модификации. Теперь этот подводный велосипед мог с полным правом именоваться электровелосипедом, а Степан Карлович собирался улучшить свое творение до мопеда, то есть впихнуть туда еще и двигатель от дельтаплана. От своих странных мин он уже отказался, последняя модификация имела два решетчатых торпедных аппарата по бокам. Заряжать их можно было только на стоянке. Впрочем, с того экземпляра, что валялся у воды, их уже сняли. А по виду лодки можно было однозначно утверждать, что она служит точно так же, как и все ее сестры по конструкции, то есть мирно ржавеет на берегу, даже не помышляя о каком-то там спуске на воду.

– Хоть что-нибудь хорошее про нее можете сказать? – спросил я Макарова.

– Ничего, – скривился адмирал. – Для того чтобы это недоразумение смогло поразить корабль противника, он должен войти в наш порт и встать там на якорь, причем не очень далеко от лодки. Недавно пытались ставить с нее мины, так чуть не утопили экипаж. После этого я вообще запретил спускать ее на воду. Говорить о какой-либо применимости подводных лодок

можно будет только тогда, когда их скорость увеличится как минимум втрое, а дальность хода – в пять раз. Хотя, конечно, лучше в десять.

– Ну так в чем же дело? Ищите человека, который сможет спроектировать то, что вам нужно. Сразу закладывайте два двигателя – электрический для подводного хода и внутреннего сгорания для надводного и зарядки аккумуляторов. Такой движок я для вас сделаю. А теперь, если позволите, обращусь к вам с просьбой слегка рассеять мое невежество. Вы тут упоминали мины. Как они устроены?

Я действительно этого толком не знал. Помнил только, что морские мины бывают плавающие, якорные и донные. Ну, из названия понятно, что первые плавают, а последние лежат на дне. Якорные же – это нечто вроде воздушного шарика на ниточке, только большое и подводное.

Про донные мины Макаров мне вообще рассказывать не стал – скорее всего они еще не появились. Про плавающие упомянул вскользь, а его рассказ про якорные меня, честно говоря, удивил.

– Постойте, – изумился я, – вы хотите сказать, что якорная мина – это просто железный шар с якорем на цепи? И глубина ее установки определяется длиной той самой цепочки, причем тут нужно точно знать реальный рельеф дна в нужном месте. Странно, мне такие мины представлялись несколько иначе.

– А как, ваше величество?

– Ну, как-то так. В момент сброса с корабля мина и якорь представляют собой одно целое. Они именно сбрасываются, хоть сразу все вместе. И спокойно лежат на дне, притворяясь простыми булыжниками. Даже если противник и обнаружит постановку, то начать тралить мины немедленно он не сможет. А там морская вода потихоньку растворяет сахарную пробку, и, когда совсем растворит, сработает механизм, отделяющий мину от якоря. Она начнет всплывать, разматывая трос с укрепленной в ее корпусе катушки. На определенном расстоянии до поверхности сработает датчик давления. Катушка стопорится, и мина встает на боевой взвод на заданной глубине. Причем тут рельеф дна можно знать весьма приблизительно – хватит полной длины троса или нет. И замедлители могут ставиться разные, со временем задержки от минут до недель.

– Такие мины еще никто не делает... но если получится, то это будет нечто гораздо более действенное, чем то, что у нас есть сейчас. Правда, и более дорогое. А самое главное – менее надежное. Даже теперешние простые мины не так уж редко отказывают, а что будет с такими, какие вы придумали, я даже не берусь предсказать.

– Зато я берусь. Сначала, конечно, будет хрен знает что и сплошные слезы. Катушки начнут заедать – это к гадалке не ходи. Но если не экономить на испытаниях и содержании проводящих эти испытания людей, все придет в норму. Сложные вещи тоже могут быть надежными, они просто требуют более тщательной проработки конструкции. Если же гнаться за простотой, то тогда лучше всего долбить днища вражеских кораблей ломami – они вообще никогда не отказывают. А насчет цены – самая дорогая мина все равно будет стоить в сотни и тысячи раз дешевле корабля противника, который на ней подорвется. Так что попробуйте сделать что-то подобное, но только, раз уж до такой конструкции пока никто не додумался, с соблюдением строжайшей секретности.

– Попробовать-то можно, но на какие деньги? Даже на запланированные исследования не хватает, я вам об этом писал.

– А я читал, поэтому дополнительные сто пятьдесят тысяч на вашем счету уже лежат. Однако у меня для вас есть еще одно задание.

– Слушаю, ваше величество.

– Выясните, насколько таранный форштевень снижает скорость оснащенных им кораблей. Сначала испытайте на моделях разного размера, потом привлечите Крылова. Он, получив модельные данные, скорее всего сможет рассчитать, что получится в реальном размере.

– Но таран необходим современному кораблю как оружие последнего шанса!

– Вот именно что последнего. Если окажется, что он убирает меньше узла скорости, то и хрен с ним, пусть остается. Но если вдруг выяснится, что два, а то и три узла, то с ним эти самые последние шансы будут возникать гораздо чаще. Просто потому, что наши корабли из-за недостаточной скорости окажутся хуже вражеских. И будут биты.

Уже в начале сентября масштабы грядущего голода стали более или менее ясными и где он будет наиболее сильным – тоже.

– Выкупные платежи в пострадавших районах следовало бы отменить как за этот, так и за следующий год, – заявил мне Витте.

– Нет. Я просто издам негласное указание не требовать их, если платить нечем. Но они все равно останутся – просто у крестьян станет больше долгов.

– Но зачем, ваше величество? Этим денег вы в любом случае никогда не получите.

– Знаю. Но крестьянин, обремененный долгами, охотнее уйдет на заработки в город, а там не хватает рабочих. Кроме того, когда-то и, наверное, довольно скоро, выкупные платежи придется вообще отменить, а недоимки – простить. Так одно дело простить какую-нибудь еле заметную мелочь, а другое – неподъемную по меркам среднего крестьянина сумму. Кстати, почему ваш комитет не предлагает ограничить экспорт ржи и пшеницы? Как-то странно продавать хлеб за границу, когда самим скоро жрать нечего будет.

– Потому что доля ржи в экспорте мала, а пшеница почти не используется в пораженных неурожаем районах. Если же мы попытаемся ограничить экспорт, надеясь на то, что это приведет к падению цен на внутреннем рынке, то получим обратный результат. Все понимают, что такая мера не может быть долговременной, и начнут придерживать и прятать зерно. Цены от этого только повысятся, и дефицит возникнет там, где его в обычных условиях быть никак не должно. Лучше просто самим перекупить часть зерна, предназначенного на экспорт, и раздать потом в виде безвозмездной помощи.

– Здесь я снова не согласен. Хрен с ними, пусть продают. Зерно же для безвозмездной помощи я лучше куплю в Штатах, заодно получится и завязать нужные знакомства. Кстати, прикиньте, сколько его надо и в какие порты направлять корабли. А с экспортерами будет так. В самый разгар голода массово пойдут публикации о том, что эти звери в человеческом облике специально морят русский народ, продавая зерно за границу. И все для того, чтобы обжираться ананасами и рябчиками с золотой посуды! И это в то время, когда сам государь, отказывая себе в жизненно необходимом, на свои средства десятками тысяч тонн покупает в Америке хлеб и везет его в Россию. Ясное дело, такое начнут писать не про всех экспортеров, а только про самых вредных.

Я знал, что говорил. В структуре официальных доходов Владимира Александровича и Михаила Николаевича экспорт зерна занимал далеко не последнее место.

– Ваше императорское величество, а можно задать вопрос по сути своей весьма деликатный? – не унимался Витте.

– Валяйте.

– В чем именно жизненно необходимом вы собираетесь себе отказать, если не секрет?

– Распродам все гатчинские конюшни, оставив только пару лошадок для жены. Разгоню к чертям дворцовую кухню – все равно кормят невкусно. На их место посажу кашеваров из авиаотряда: они себе смену уже воспитали, а готовят – просто пальчики оближешь. И можете

под большим секретом проболтаться – все императорские яхты будут проданы. Две уже ушли, остальные ждут покупателей.

– Э... ваше величество... а какие именно яхты продаются? И, главное, почему?

– Если лично вам, то, например, «Державу» я уступлю тысяч за триста, причем с трех-летней беспроцентной рассрочкой платежей. Будете брать?

Глава 9

К середине октября девяносто первого года давно заказанные пулеметы мне так и не пришли, несмотря на то, что заказ был частично авансирован. Флот свою порцию тоже не получил, так как Максим все никак не мог сделать нормальное оружие под патрон Роговцева. Ну сколько можно ждать? Рита и то уже успела родить!

Правда, девочку, которую мы назвали Татьяной, но я не расстраивался. В конце концов, девочка – тоже человек, а что она не наследница, так у меня на то младший брат Мишка есть. Все заинтересованные лица уже знали, что он, во-первых, мой воспитанник, во-вторых, англофоб, а в-третьих, из всех дядей хоть сколько-то уважает только самого безвредного из них, Павла Александровича, который потихоньку командует себе конным полком лейб-гвардии, в политику не лезет и мутными гешефтами не увлекается. Разумеется, они это узнали не без моей помощи, но я отдал команду распространять слухи только после того, как побеседовал с Мишкой и заручился его согласием. Узнав, что ему будет доверено своей, можно сказать, могучей грудью прикрывать старшего брата от происков недоброжелателей, Мишка преисполнился гордости и даже выучил слово «англофоб», которого раньше не знал. Все это прекрасно – но, блин, где же мои пулеметы?

С мыслями на тему «выкатывать Максиму претензии или все-таки дождаться поставки?» я подошел к окну и почувствовал в окружающем какую-то неправильность. Что-то было не так, но вот что именно?

Минут через пять я сообразил, что вызвало мое недоумение. И сразу возник второй вопрос: в кого же это я такой дурак? Вроде в той жизни родители были приличные люди, да и в этой тоже ничего. И где же я здесь, в Гатчине, увидел секторы обстрела именно для пулеметов? Двести, максимум двести пятьдесят метров. Ну хорошо, от центрального входа можно насчитать триста с небольшим, и все. А с противоположной стороны вообще озеро и лес, в смысле парк.

То есть для боевых действий в окрестностях дворца пулеметы не обязательны, прекрасно хватит и пистолетов-пулеметов. Их же сделать нетрудно, по конструкции они даже проще тех реплик пистолета Макарова, которых Роговцев наделал в Ораниенбауме уже штук десять и сейчас интенсивно испытывает на предмет выявления недоработок. Самый примитивный пистолет-пулемет вроде «ППС» будет, наверное, стоить примерно как трехлинейка, да и то за счет отъемного магазина. Хотя в «ППС» много штампованных деталей, лучше сделать трубчатую конструкцию наподобие английского «стена». Соорудить несколько десятков можно быстро, нет там ничего сложного. А как устроены оба прототипа, я себе в общих чертах представляю. Правда, патрон девять на восемнадцать слабоват, но в автомате же свободный затвор заметно тяжелее, чем в пистолете, так что можно заложить и боеприпас помощнее. Девять на двадцать, например. Или даже на двадцать один. Кстати, называть новое оружие лучше действительно автоматом, ибо про «пистолет-пулемет» всякий догадается, что это пулемет под пистолетный патрон. Автомат же – хрен его знает, что оно вообще такое. По документам, во всяком случае, никто точно ничего не поймет.

Именно тогда у меня родилась гипотеза, чем хороший инженер (а я, не побоюсь этого слова, именно хороший) отличается от хорошего руководителя (а вот им меня, увы, можно назвать только в порядке безудержной лести). Так вот, оба они постоянно решают многозадачные проблемы. Только у инженера практически всегда частные задачи связаны между собой, а у руководителя – наоборот. Если связи и есть, то они проходят на уровне, выходящем за компетенцию начальника, или просто недоступны пониманию на текущем уровне развития науки.

В результате я мог постоянно держать в голове два-три дела, не больше. А остальные не то чтобы забывал – они казались мне не очень срочными и всегда находилась причина их отложить на недельку-другую. И так до тех пор, пока не становилось ясно, что поздняк метаться: я снова безнадежно опоздал.

Осознав это, я возложил на секретариат небольшую дополнительную функцию. Теперь при каждом утреннем докладе мне приносили еще и папку с карточками, на которых было написано мое напоминание самому себе. Первой появилась карточка с большими буквами «ПП» и маленькой пометкой «двадцать один» в уголке. Смысл букв знал только я, остальные могли думать что угодно. Мне-то понятно, что это напоминание о пистолете-пулемете, а те, кому не положено, пусть ломают голову – поношенный презерватив или полный писец имеется в виду. Цифры же означали периодичность, с которой мне надо показывать карточку. В данном случае – через двадцать один день, или раз в три недели.

Со временем карточек стало больше, на них появились не только буквы с цифрами, но и рисунки. И что самое удивительное – эта примитивная рационализация мне действительно помогала. Как говорится, о сколько нам открытий чудных... вот не помню я, что там дальше у Пушкина.

В первые дни после занятия императорского места мне казалось, что надо срочно заменить командира лейб-конвоя генерала Черевина на кого-нибудь не столь интенсивно пьющего. Чтобы он не каждый день закладывал за воротник, а хотя бы через два дня на третий! И желательно не по литру крепкого в день. Однако, как выяснилось, Черевин справлялся со своими обязанностями вполне терпимо. Если его заменить, то первое время, пока новый человек будет входить в курс дела, станет однозначно хуже. Да и потом еще бабушка надвое сказала, и вообще – к революциям следует прибегать только в исключительных случаях! А так эволюционный путь предпочтительнее. С моей точки зрения, в данном конкретном случае он заключался в том, чтобы разделить функции, кои до сих пор лейб-конвой совмещал, то есть охрану и представительство.

В какой-то мере и даже при моем участии охрана отца превратилась в одну из самых эффективных служб в империи, но все познается в сравнении. Зная, как будут охраняться первые лица в двадцатом веке, я понимал, что сделать предстоит еще очень много. Но только, блин, кому? Если я сам начну командовать своей охраной, то тут возможны всего два варианта. Либо у меня вообще больше ни на что не останется времени, либо это будет не охрана, а сборище любителей. Более того, не исключен и гибридный вариант, в котором произойдет и то, и то.

В подчинении генерала Черевина находились четыре структуры. Первая – Собственный его императорского величества конвой, то есть казаки, стоящие в карауле перед покоями императора и сопровождающие его в поездках. Вторая – Сводный гвардейский батальон, состоящий из роты дворцовых гренадеров, предназначенной исключительно для парадов, и еще двух рот с функциями, примерно соответствующими военизированной охране на режимном объекте советских времен. Третья – императорские железнодорожники. И, наконец, имелась дворцовая полиция, задачей которой являлось выявление попыток организации покушений агентурными методами. Про эту не очень многочисленную службу я знал довольно мало, но, похоже, наконец-то настала пора расширить кругозор. Итак, что мне известно? Во-первых, ею совершенно точно командует полковник Ширинкин, коего я несколько раз видел, но близкого знакомства с ним пока не свел. А во-вторых, отношения Ширинкина с непосредственным начальником, Черевиним, особой теплотой не отличаются. Может, снять с милейшего Петра Александровича эту головную боль? Ну не сможет он нормально командовать полицейскими, даже если вдруг незнамо с какого перепугу протрезвеет. Но сначала, разумеется, нужно составить более основательное впечатление о полковнике. Разузнав, где именно в Кухонном каре, расположен-

ном симметрично Арсенальному, находится его кабинет, я как-то раз после обеда отправился туда, но сюрприз не получился – Ширинкин (кстати, в штатском, чем вообще-то обремененные чинами лица не часто баловали) уже встречал меня в коридоре. То есть пока неясно, что там с моей охраной, но собственное оповещение у них работает нормально, сделал вывод я и спросил:

– Евгений Никифорович, гостей принимаете? Тогда проводите в ваш кабинет, будьте добры. И расскажите о вашей службе. Историю, задачи, трудности в их исполнении – в общем, имейте в виду, что я почти ничего о вас не знаю и считаю это неправильным.

В следующие полчаса я убедился, что полковник мастерски владеет жанром всеподданнейшего доклада, то есть умеет говорить неограниченно долго, по сути не сообщая ничего, кроме того, что у него все прекрасно, а в дальнейшем при поддержке моего величества станет вовсе охренительно.

– Ну, Евгений Никифорович, – вздохнул я, – раз уж вы не хотите говорить со мной как с человеком, придется задавать вопросы. Итак, какова была численность вашей службы вначале и как она изменялась со временем?

– На момент организации нас было сорок человек. К моменту воцарения вашего отца – около шестидесяти, в восемьдесят первом году утверждены новые штаты на сто шестьдесят человек, и тогда же численность дошла до штатной. Сейчас она превышена на двенадцать единиц, то есть нас сто семьдесят два.

– Кратко опишите круг задач.

– Своевременно выявлять подозрительных лиц, имеющих или могущих иметь контакты с императорской фамилией, а также лиц, злоумышляющих или могущих злоумышлять против нее.

Я расхохотался, а потом объяснил:

– Второй пункт бесподобен, особенно для группы из ста семидесяти человек. Тут нужна служба с численностью как минимум в тысячи сотрудников, а если по уму, то и больше. Кроме того, даже по первому пункту есть неясности. Как вы ухитрились допустить, что явно подозрительная личность сумела устроиться на работу в Приоратский дворец? Я имею в виду Михаила Рогачева, он ведь до этого успел посидеть, причем по политической статье.

– Никак нет, ваше величество, сидел он по дурости господ из Третьего отделения. Ну а как мы его пропустили... нас же тогда было совсем мало, а работы много, и вся она была в Питере, а не в Гатчине. Тем более Приорат тогда вообще стоял почти пустой. В общем, виноват – просто не дошли руки. Ну а потом, конечно, навели справки, однако Михаил уже находился под вашим покровительством. Я доложил государю, и он повелел оставить все как есть, не отменяя, разумеется, наблюдения за Рогачевым.

– Надо же, как интересно. И что вы уже успели пронаблюдать, если не секрет?

– Поначалу он выполнял для вас различные деликатные поручения, а сейчас является главой небольшой службы, занимающейся сбором сведений в высшем свете Санкт-Петербурга, а с недавних пор еще и Варшавы, Берлина и Копенгагена.

Интересно, подумал я. Про Париж этот дядя специально не упомянул или просто не знает? Но спросить лучше про другое.

– Как часто вы делали личные доклады моему отцу?

– До середины восьмидесятых – каждый месяц, потом реже. В восемьдесят девятом году всего один короткий доклад, в девяностом – ни одного. С Николаем же Александровичем я вообще личной беседы не удостоился.

– Это понятно, но теперь ответьте мне, пожалуйста, вот на какой вопрос. Из каких соображений вы вместо того, чтобы сразу осветить то, что из вас пришлось вытягивать вопросами, начали с какой-то ерунды?

– Я не знал, что именно интересует ваше величество, а то, что вы изволили поименовать ерундой, есть принятая форма доклада на высочайшее имя.

– А, понятно. Вы обиделись, что я нашел время для беседы с вами только сейчас. По моему, зря. Сначала в области собственной безопасности я сделал то, что мог и должен был сделать сам, и только потом руки дошли до прочего. В общем, почти как у вас с Рогачевым. Поэтому докладов по общепринятой форме мне больше представлять не надо. Согласны?

– Так точно, ваше императорское величество.

– В беседах наедине лучше короче – государь, например. И скажите мне, пожалуйста, каковы ваши отношения с непосредственным начальником, генералом Червиным?

– Хорошие, государь.

– Уверены?

– Вполне. Я не лезу в его дела, он не лезет в мои, хотя мог бы – чего еще желать? Ну а что у него при виде меня лицо иногда кривится, так я же не юная гимназистка, чтобы он от лицезрения моей персоны испытывал возвышенные чувства. Причем это только утром, а сразу после обеденного стакана ему вообще все равно.

– Хм... возможно. Но, как мне кажется, дворцовую полицию из-под его подчинения, пусть и чисто номинального, лучше вывести.

– Было бы неплохо, но ведь вы, государь, кажется, не хотите его обижать.

– Да, не рвусь, он мне еще пригодится. Скажите, Евгений Никифорович, а вас не затруднит чем-нибудь вызвать его недовольство? Так, слегка. Тогда мое величество явит ему милость – уберет вашу службу, а вместо нее предложит какую-нибудь роту пластунов. Дворцовая же полиция сменит название, расширит штаты и будет продолжать заниматься своим делом, подчиняясь лично мне.

– Ее непосредственное подчинение лично вам может привлечь нездоровый интерес, а это помешает работе, – заметил Ширинкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.